

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 105

**СЖАТИЕ ОСВОЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ
В ЦЕНТРЕ РОССИИ.
ЧТО С ЭТИМ ДЕЛАТЬ?**

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий.

Сжатие освоенных территорий в Центре России. Что с этим делать?

Выпуск 105 — М., 2020 — 64 с.

«Мартовское 2020 года заседание клуба «Сжатие освоенных территорий Центра России» перекликается с темой заседания 2011 года «Реванш пустующего пространства» — пространства страны в целом. Те же проблемы, но на ограниченной территории в Центральной России (Т. Нефёдова). Социально-экономическое сжатие, поляризация пространства в староосвоенных районах России, старение населения, проблемы малых городов, сельской местности, др. — об этом в докладах учёных-географов представлено в данном выпуске Никитского клуба.

Несмотря на то, что почти за десять лет основные тенденции в этой области не изменились, на мартовском заседании 2020 года не доминировала «тенденция пессимизма», о которой в 2011-ом говорил присутствовавший на заседании С. П. Капица. Тенденция пессимизма — *«как распространившаяся заразная болезнь, которую пессимисты иногда оправдывают тем, что если они не правы, то хорошо, что дела обстоят лучше, чем они предсказывают, а если они окажутся правы, то у них будет возможность сказать: «Мы же вам говорили!».* Но это очень слабое обоснование позиции, причина которого коренится не во внимательном объективном анализе того, что будет, а в субъективных настроениях самих авторов».

«Сопrotивляемость нашей глубинки ...больше, чем можно себе представить. Вы знаете, что об этом говорили в 1990-е годы? Все, уже конец. Через 10 лет, то есть в 2000-х, ну в 2010-м уж точно, здесь останется 1/3 всех поселений и всех обитаемых земель. Имелось в виду как раз вот это сердце, Центральная Россия. Но потеряли около 1/3 навскидку, а не 2/3. Что-то, значит, есть такое, что там держит: отеческие гробы или что-то ещё, может быть, не совсем материальное, не совсем экономическое» (А. Трейвиш), — как иллюстрация прозвучало десять лет спустя к сказанному проф. Капицей. Впрочем, и как подтверждение других слов Сергея Петровича на том же заседании десятилетней давности: *«Думаю, мы можем говорить, что есть какой-то культурный императив, связанный с демографическими и географическими факторами. Это вещь в себе. Мы до конца не понимаем, почему развивается человечество. Всё, о чём мы говорим, — это то, что обслуживает развитие человечества, но вовсе не истинный механизм развития. И пока мы не поймём это до конца, мне кажется, будет очень трудно говорить о том, как управлять процессами».*

ББК 60.7+65.04

© Московская Биржа, 2020
© Никитский клуб, 2020

Заседание — круглый стол
Сжатие освоенных территорий в Центре России.
Что с этим делать?

11 марта 2020 года

Участники обсуждения:

Булдаков Владимир Прохорович, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук

Вишневский Анатолий Григорьевич, директор Института демографии НИУ ВШЭ, доктор экономических наук, профессор

Глезер Ольга Борисовна, ведущий научный сотрудник Института географии РАН

Горелик Александр Семёнович, эксперт по международным организациям, директор Информационного центра ООН в Москве в 1999–2014 гг.

Егоров Сергей Викторович, заведующий отделением Акустического института имени Н. Н. Андреева, главный научный сотрудник ИНИОН РАН, доктор физико-математических наук

Захаров Александр Владимирович, вице-президент ИК «Еврофинансы»

Захаров Сергей Владимирович, заместитель директора Института демографии НИУ ВШЭ

Зимин Дмитрий Борисович, основатель, почётный президент ПАО «ВымпелКом» (БиЛайн), основатель фонда «Династия», соучредитель премии «Просветитель», доктор технических наук

Мазурик Виктор Петрович, доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ имени М. В. Ломоносова)

Макаров Валерий Леонидович, научный руководитель ЦЭМИ, профессор, доктор физико-математических наук, академик РАН

Москвин-Тарханов Михаил Иванович, заместитель председателя Комиссии по образованию и науке Общественной палаты г. Москвы

Нефёдова Татьяна Григорьевна, главный научный сотрудник Института географии РАН, доктор географических наук

Перов Максим Вениаминович, заместитель директора Градостроительного института «Гипрогор Проект»

Покровский Никита Евгеньевич, заведующий кафедрой социальных наук НИУ ВШЭ, профессор, доктор социологических наук

Полтерович Виктор Меерович, руководитель направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, заместитель директора МШЭ МГУ; почётный президент Новой экономической ассоциации, профессор, доктор экономических наук, академик РАН

Трейвиш Андрей Ильич, главный научный сотрудник Института географии РАН, доктор географических наук

Чернихов Андрей Александрович, архитектор, профессор Международной академии архитектуры (IAA), президент Международного архитектурного благотворительного Фонда имени Якова Чернихова

Председатель заседания — **А.Г. Вишневский**

А. Г. Вишневский

А. Г. Вишневский

Уважаемые дамы и господа, сегодня мне выпала большая честь и ответственность заменить Александра Николаевича Привалова [вице-президент — председатель Совета Никитского клуба, постоянный ведущий заседаний клуба], можно сказать, на время его отсутствия в Москве приобщиться к «приваловским миллионам».

Начнём наше заседание. У нас сегодня два доклада под общим названием «Сжатие освоенных территорий в Центре России. Что с этим делать?» Первой выступит Татьяна Григорьевна Нефёдова, тема её доклада: «Тенденции и проблемы социально-экономического сжатия и поляризация освоенного пространства в Центре России». «Что с этим делать?» — тема второго доклада, с которым выступит Андрей Ильич Трейвиш. Оба докладчика — главные научные сотрудники Института географии РАН.

Скажу буквально несколько слов. Эта область принадлежит географам, и в Институте географии есть замечательные исследователи, которые давно и упорно изучают эту проблему. Вообще проблема пространственного освоения нашей территории — может быть, я ошибаюсь, тогда вы меня поправите — в загоне, и, кроме узкого, хотя и блестящего круга географов, она мало кого волнует. А у нас тенденции очень неприятные, потому что Сибирь пустеет, Дальний Восток пустеет, население стягивается в европейскую часть. Никто не знает, что с этим делать, и никаких реалистических предложений, насколько мне известно, нет. Но об остальном нам расскажут наши докладчики.

Пожалуйста, Татьяна Григорьевна!

Т. Г. Нефёдова

Т. Г. Нефёдова, главный научный сотрудник Института географии РАН, доктор географических наук, профессор

Спасибо. Я начну с того, что почти десять лет назад, в 2011 году, в Никитском клубе была похожая тема обсуждения — «Реванш пустеющего пространства»¹. Но тогда речь шла в целом о размерах страны, о проблемах пространства России и так далее.

Я хочу сразу поставить рамки: сегодня хочется поговорить о тех же проблемах, но на ограниченной территории в Центре России и постараться не перейти к обсуждению пространства вообще, что очень заманчиво. Это бывает часто, и даже в прошлый раз, когда мы обсуждали демографические проблемы, мы перешли к восточным районам, к пространству страны. Но мне-то хочется обсудить проблемы центральных районов.

На самом деле это небольшая территория. График на рис. 1 показывает, что Москва, Московская область и 9 областей в Центре России по суммарной площади примерно равны европейской стране. Правда, большой — Польше, Германии, Финляндии. Но если мы сравним человеческий потенциал и число занятых в экономике (рис. 2), то мы увидим, что Германия далеко впереди. Вместе с Москвой мы ближе к Польше, а если убрать Москву и Московскую область, это, скорее, похоже на Финляндию.

¹ Заседание Никитского клуба 25 октября 2011 г. Выпуск НК № 53.

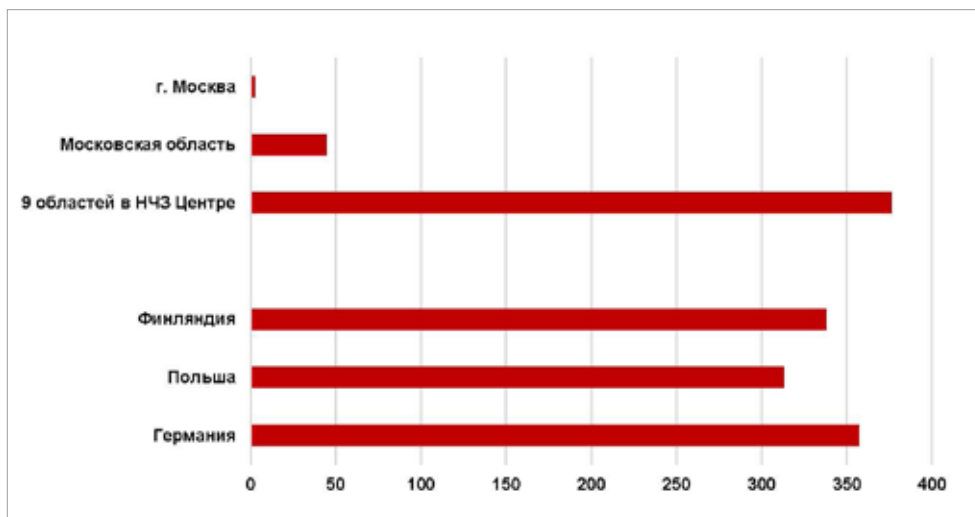

Рис. 1. Площадь территории субъектов РФ в Центре России и некоторых европейских стран, тыс. кв. км

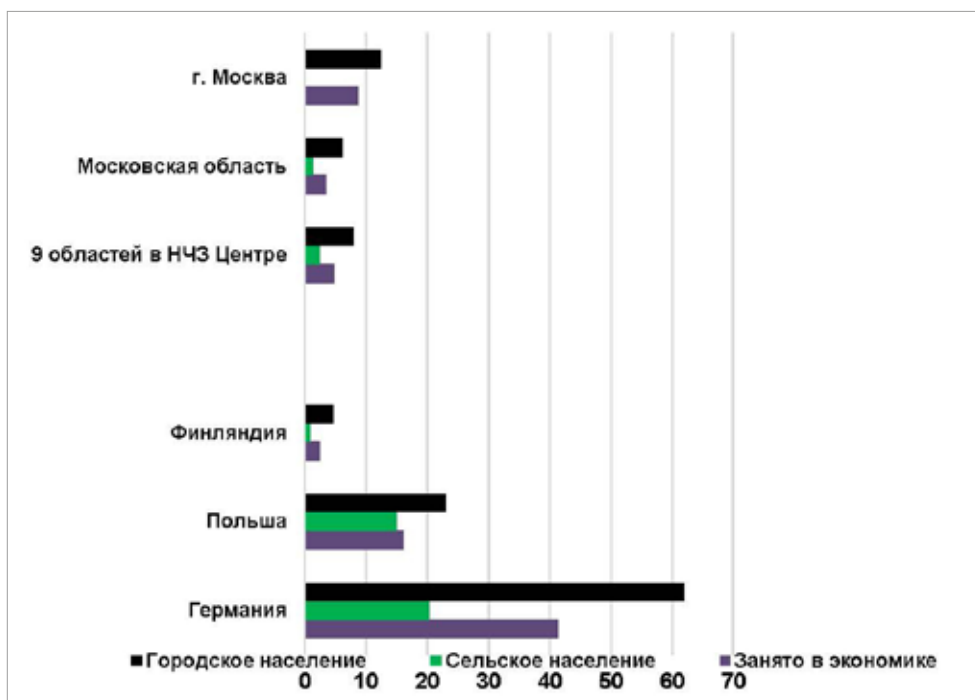

Рис. 2. Численность городского, сельского населения и занятых в экономике субъектов РФ в Центре России и некоторых европейских стран в 2016 г., млн. человек

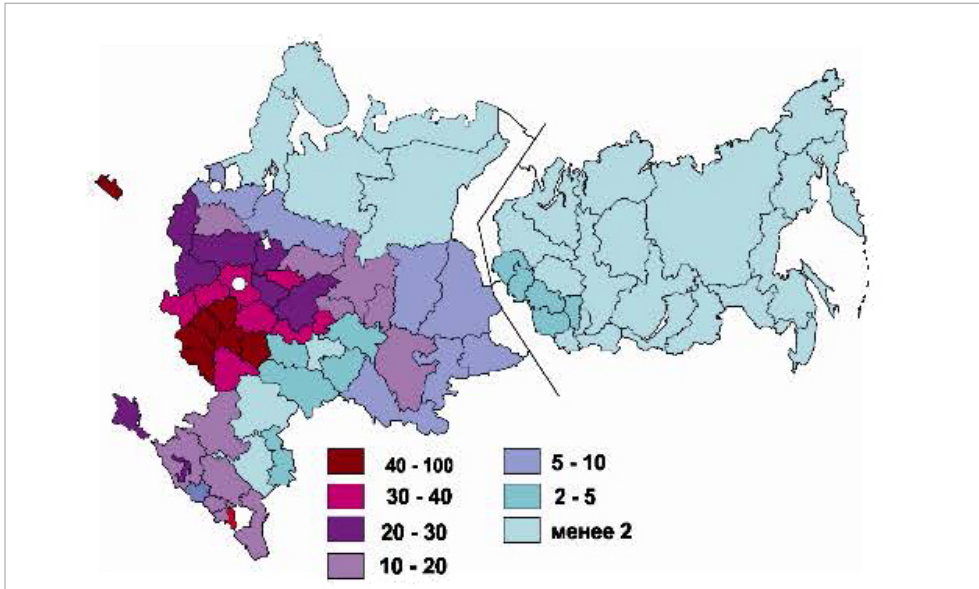

Рис. 3. Плотность сельского населения в 1897 г., чел./кв. км

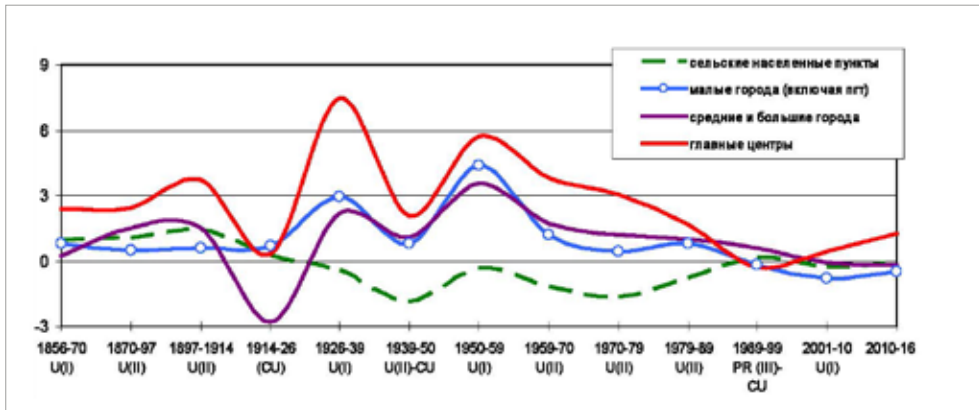

Рис. 4. Несколько стартов урбанизации в России. Средние темпы ежегодного прироста населения городов разного размера и сельской местности, %.

Это кажется странным, потому что для нас эта территория староосвоенная и заселённая, но, в общем-то, она уже полупустая. Хотя 100 лет назад это был плотно заселённый регион — это видно на рис. 3. Экономисты тогда писали об избытке здесь сельского населения, которое не могло прокормиться на этих малопродуктивных землях. Александр Чаянов, например, оценивал этот избыток в 30% от численности сельского населения. Это выталкивало население в города и заложило основу урбанизации.

Прошлый раз мы говорили, что демографические процессы имеют свою логику. Урбанизация тоже имеет свою собственную логику, потому что она проходит

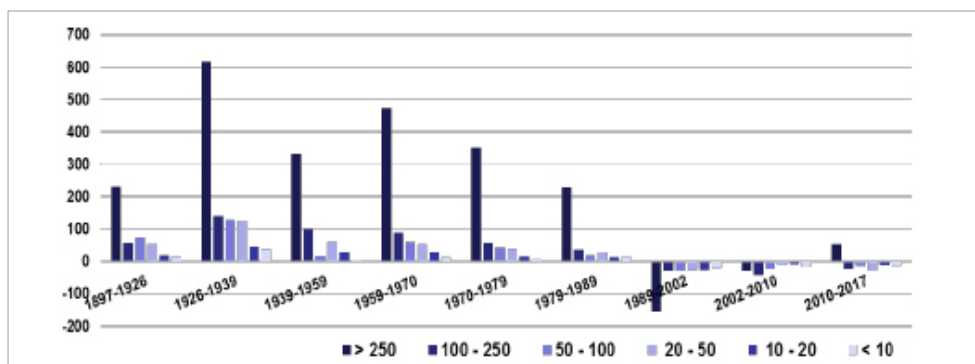

Рис. 5. Прирост/убыль населения городов разного размера (в тыс. человек) в регионах, прилегающих с запада, севера и востока к Московской области с 1897 по 2017 г., тыс. человек за указанные периоды

определённые стадии в разных странах в разное время — где-то раньше, где-то позже, но, в общем-то, одни и те же стадии. В России активная урбанизация, то есть рост больших центров за счёт сельской местности и малых городов, началась ещё в XIX веке, что видно на графике на рис. 4². В начале XX века довольно быстро росли крупнейшие центры, но тут случилась революция, гражданская война, люди разбежались по деревням.

Следующий старт пришёлся на начало сталинской индустриализации, сопровождавшейся бурной урбанизацией. Но началась Вторая мировая война, и только после третьего старта урбанизация в России вошла в нормальное русло. К концу советского периода начался так называемый «поляризационный разворот», когда средние и малые города начали догонять большие. Но тут случились 1990-е, и опять всё перемешалось. Сейчас мы опять вернулись к урбанизации (рис. 4), и быстрее всего растут главные центры.

На рис. 5 показаны реальные прибавки за те же периоды населения городов разного размера в Центре России, расположенных севернее Московской области, от Смоленской до Владимирской. Видно, что они вписываются в общероссийские циклы урбанизации. В 1990-х годах был полный упадок, а сейчас растут исключительно столицы регионов, что говорит о том, что урбанизация в России после очередного отката назад продолжается.

Если включить Московскую агломерацию и посмотреть относительные показатели роста населения городов на 1000 жителей в Москве, Московской области и в соседних областях, то мы увидим, что наиболее активный относительный прирост населения происходил в последнее время в ближайших пригородах Москвы, меньше — в более удалённых районах Московской области. Уже за границами Московской области наблюдается в среднем отрицательный баланс (хотя в разных городах по-разному). А растут за счёт миграций в основном столицы соседних регионов и их агломерации (несмотря на естественную убыль населения).

² Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 12–24

Рис. 6. Прирост/убыль внутрирегиональных, межрегиональных и международных мигрантов в среднем за 2015 – 2017 гг., (человек/год)

А если ещё глубже спуститься и посмотреть, что происходит в конкретных городах и муниципальных районах, например в соседней с Московской Ярославской области, то мы увидим, что положительный миграционный баланс имеет только Ярославль, причём он притягивает всех мигрантов: и внутренних, и межрегиональных, и международных. А среди малых городов практически всюду отток, пожалуй кроме Ростова и Углича. Но едут туда в основном международные мигранты.

Ещё хуже ситуация в сельской местности. Только Ярославский район притягивает население, причём особенно сильно именно из своего региона (рис. 6). То есть пригород растёт не за счёт Ярославля, как это бывает при дезурбанизации, он растёт за счёт того, что сюда стягиваются мигранты из городов и районов самой Ярославской области, из соседних регионов с более слабыми столицами, а также из бывших советских республик. А все остальные муниципальные районы привлекают почти исключительно международных мигрантов. При этом не надо думать, что эти люди могут заполнить территорию. Обычно это мигранты из Средней Азии, которые стремятся получить российское гражданство или постоянную регистрацию в сельской местности, где относительно дешёвое жильё, для того чтобы можно было свободно ездить на работу в Москву и Московскую область. Фактически самой территории это мало что даёт.

Мы стараемся регулярно проводить оценку состояния городов в России по ряду показателей. Набор показателей стандартный, который до 2013 года включительно регулярно давал Росстат: доля незанятых в численности экономически активного населения, зарплата к средней по России, инвестиции на душу, ввод жилья, оборот розничной торговли и услуг на душу населения и обеспеченность жилья канализацией, что косвенно говорит о типе застройки города. Средний балл по этим показателям отражает относительное благополучие или неблагополучие города (рис. 7).

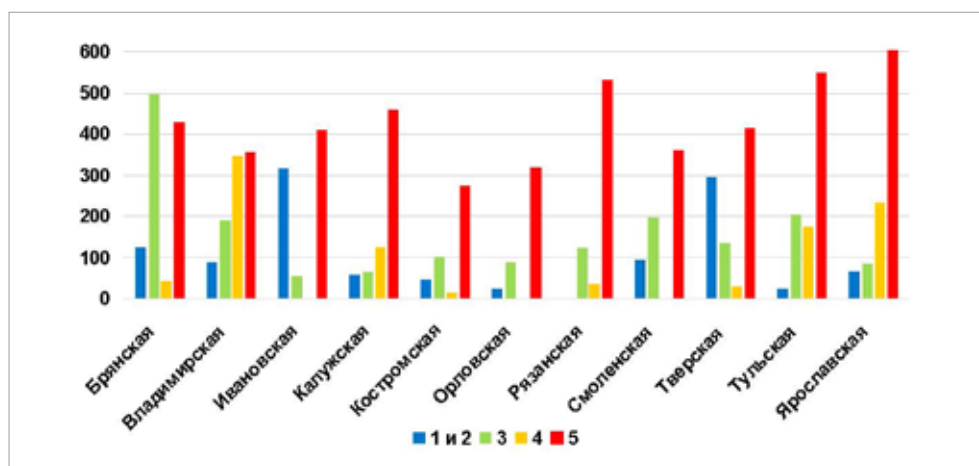

Рис. 7. Численность населения в городах с разными оценками относительного благополучия, тыс. человек

Более высокие оценки характерны для столиц регионов, а наибольшее число городов с низкими оценками в Тверской и в Ивановской областях.

Можно даже оценить количество людей, которые до сих пор проживают в этих не совсем благополучных городах, — это около 3 миллионов человек. И если пожилые смирились, то молодёжь мечтает уехать из этих городов поближе к столице. Доля населения в трудоспособном возрасте, занятого в разного рода организациях, включая промышленность и бюджетную сферу, то есть имеющих относительно стабильную привычную работу, в этих регионах вокруг Московской области меньше половины.

Что остаётся остальному трудоспособному населению? Либо малый бизнес, что довольно сложно сейчас и не все к этому способны, либо жизнь на иждивении, либо ехать на работу или на постоянное место жительства в большие города.

Ещё важная причина, выталкивающая население из окружающих Московскую область регионов, — это уровень зарплат. У нас был проект «Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя». Мы даже две книги издали³ и с тех пор следим за этой территорией. На рис. 8 показан уровень зарплат в городах и муниципальных районах в 2011 и 2018 годах от Тосненского района под Петербургом до Химкинского под Москвой, прямо вдоль трассы. И мы видим, что ситуация с 11-го года стала только хуже, а разница в уровне зарплат (я не беру Москву и Петербург, а только территории за их пределами) увеличилась не в два и даже не в три, а в большее число раз. Естественно, что если появляются рабочие места, то люди все равно едут работать ближе к городу или в крупные города.

³ Путешествие из Петербурга в Москву. 222 года спустя. Книга 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом/ ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2015. Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Книга 2. Путешествие из Петербурга в Москву в XXI веке (по итогам экспедиции 2013 года)/ред. Нефедовой Т.Г., Аверкиевой К.В. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2015.

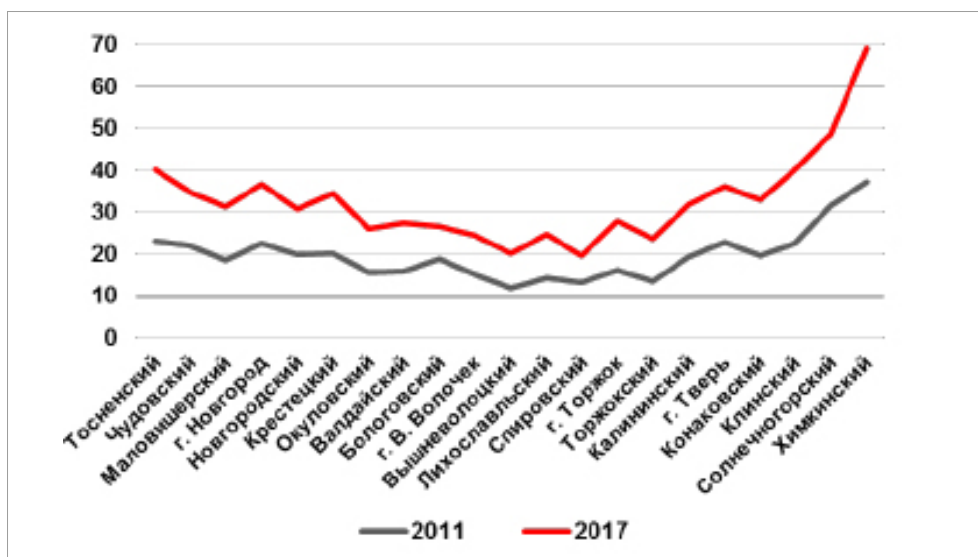

Рис. 8. Средний уровень заработной платы в городах и муниципальных районах вдоль трассы Москва— Санкт - Петербург в 2011 и 2017 гг., тыс. рублей

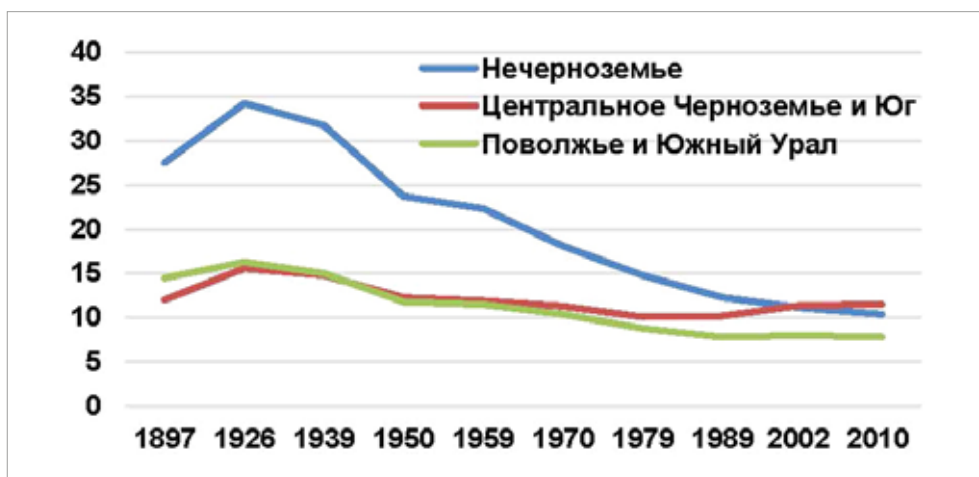

Рис. 9. Динамика численности сельского населения по макрорегионам Европейской России (по материалам переписей населения, млн чел.)

Сельская местность Нечерноземья пострадала особенно сильно в XX веке (рис. 9). Велики были потери сельского населения и, главное, изменение самой сельской среды.

О демографии много говорили на прошлом заседании, я не буду на этом останавливаться. Здесь были самые большие потери населения в результате миграций, самое

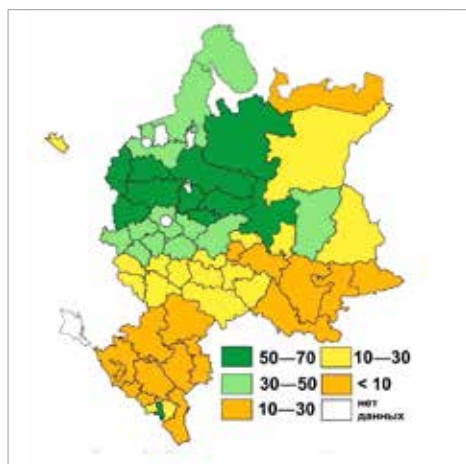

Рис.10. Доля мельчайших (менее 10 человек) и нежилых населённых пунктов, в %, по данным Всероссийской переписи населения, 2010

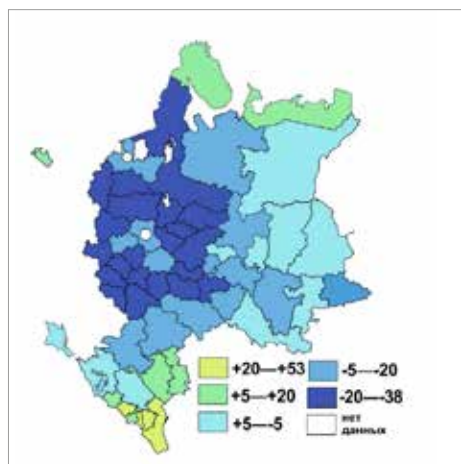

Рис. 11. Соотношение рождаемости и смертности, человек на 1000 сельских жителей в среднем за 2014–2016 гг. Данные Росстата

большое число малых и заброшенных деревень, высокая смертность и естественная убыль населения (рис. 10 и 11).

Это один из самых больных в этом плане макрорегионов России. Но есть много факторов, которые продолжают выталкивать сельское население. Это прежде всего изменение самого агропроизводства и «уход» крупных предприятий (бывших колхозов и совхозов) из этих районов. Вернее, не совсем уход, а полная их трансформация, которая привела к резкому уменьшению рабочих мест, особенно в этих регионах⁴. На это повлияло и усиление роли агрохолдингов с более высокой механизацией, и упадок личного подсобного хозяйства.

Казалось бы, если нет привычных рабочих мест, люди в сельской местности должны как-то выживать с помощью своего хозяйства. Но именно здесь наблюдается наибольший упадок личного подсобного хозяйства (рис. 12). Во-первых, потому что население старое, а во-вторых, потому что нет помощи колхозов. На карте 12 видно, что больше всего скота у населения на Юге России, там, где население более молодое, активное, готово работать и где ему оказывается помощь предприятиями.

Плюс очень плохая инфраструктура, хотя это и центральные районы России, небеспеченность сетевым газом, водопроводом (рис. 13). И, конечно, злополучная оптимизация бюджетной сферы, потому что во многих регионах, особенно на периферии, 60–90% всех занятых — это была бюджетная сфера и оптимизация особенно больно

⁴ Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: ЛЕНАНД (URSS), 2013 (2-е изд.— 2017).

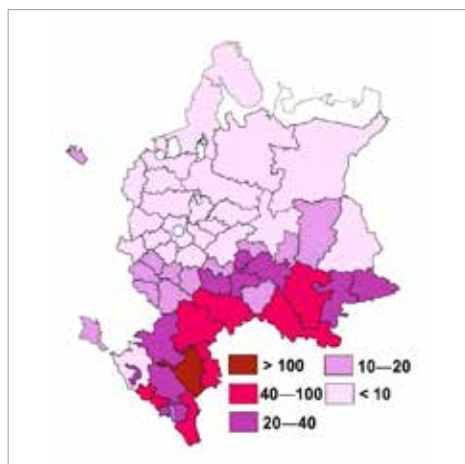

Рис.12. поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах, на 100 сельских жителей старше 15 лет, на 01.01.2017 г.
Данные Росстата

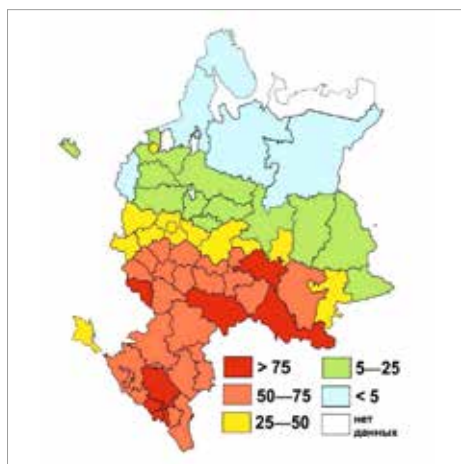

Рис. 13. Доля сельских домохозяйств в %, подключённых к сетям газоснабжения (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.)

ударил именно по этим регионам, уменьшив не только занятость населения, но и ухудшив доступность вообще всяких социальных услуг.

Когда я говорила, что из этих областей уходит сельское хозяйство, я говорила о внешних видимых признаках. Оно действительно трансформируется, изменилось землепользование. Мы видим это сжатию воочию: поля заброшены, зарастают лесом, кажется, что везде плохо, даже в Московской области и во всех остальных. Чуть получше разве что на юге Тульской и Рязанской областей (рис. 14). Но производство, допустим, мяса в этих же регионах постепенно увеличивается. И даже в Московской области ситуация не так плоха и даже лучше, чем в окружающих регионах. Казалось бы, сельскому хозяйству тут не место при такой застройке, тем не менее оно здесь работает. В Тверской, Калужской областях почти восстановилось производство мяса. Но всё это происходит исключительно в отдельных очагах.

Мы активно используем космические снимки, для того чтобы понять, что реально происходит на этих территориях. Зброшенных сельскохозяйственных земель действительно много. И визуально кажется, что это всегда далеко от городов. На самом деле всё не так однозначно. Факторами забрасывания земель стали в первую очередь низкое качество почв, мелкоконтурность угодий — и потом уже удалённость от городов и пригородов. То есть сельское хозяйство сохраняется и даже возвращается в те районы, где лучше природные условия и где оно более эффективно. Как осваивались эти территории? Освоение и заселение начинались с опольев — самых плодородных участков среди лесов, лучше дренированных. Они распахивались в первую очередь, а потом уже в советское время всё это расширялось, вырубались леса, мелиорировались большие территории с малопродуктивными землями. И вот они

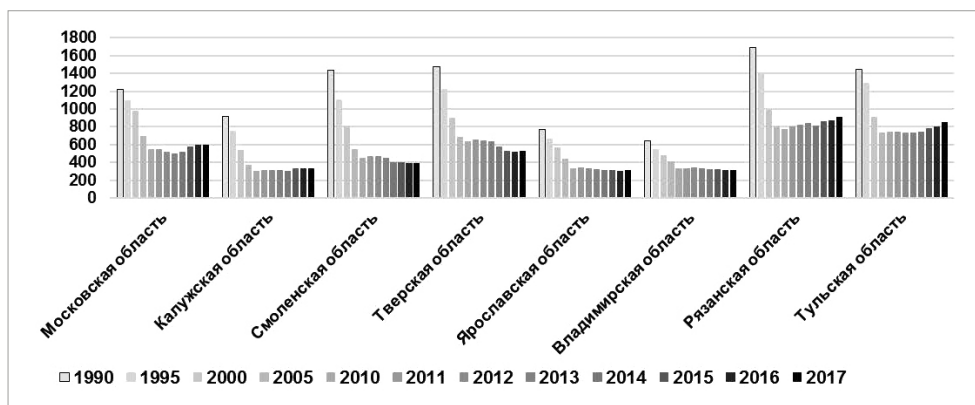

Рис. 14. Динамика посевных площадей в регионах Центра России с 1990 по 2017 год, тыс. га

сейчас в первую очередь забрасываются, и всё возвращается к этим небольшим очагам опольев.

Совсем противоположная ситуация с населением. Здесь получаются своеобразные ножницы. Население тяготеет только к городам и пригородам и тает по мере удаления от региональных столиц (рис. 15). А сельскохозяйственное производство сохраняется не только в пригородах, но и в более удалённых районах (рис. 16). И это катастрофическое падение заселённости от пригородов к периферии регионов продолжается. Только в пригородах численность населения растёт, и дальше она все быстрее убывает. При отсутствии населения даже на землях, где это выгодно, в современных условиях из предприятий могут выживать в основном агрохолдинги или их филиалы. Они могут завести и работников, и всё, что нужно для производства. К сожалению, возвращение к тем формам, которые были в советское время, и даже формирование большого числа фермерских хозяйств на периферии нечернозёмных регионов маловероятно.

Когда мы едем, мы видим главным образом заброшенные поля: ведь такая очаговость сельского хозяйства ведёт к его очень сильной концентрации. Например, если в 1975 году в Ярославской области два района, главных производителя, давали около 20% зерна, молока, мяса, то сейчас два района производят почти 95% мяса, 50% молока и 40% зерна. То есть всё сосредоточено в нескольких очагах и сельское хозяйство в них развивается, продукция идёт в Москву и большие города, спрос на неё большой. И развивается всё это благодаря либо сильному руководителю, то есть роль личности чрезвычайно возросла в этих условиях, либо приходу инвесторов извне.

Как же выживает население в таких условиях? А его ещё много, несмотря на убыль. Я говорила, что в сложных условиях в малых и средних городах живут около 3 миллионов человек. А на периферии рассматриваемых регионов в сельской местности живёт ещё более 700 тысяч. Им же надо как-то жить. Основной вариант — это, конечно, отъезд на работу либо в столицу своего региона, либо в Москву и Московскую область. Из сельской местности уезжают на работу в другой регион до четверти трудоспособного населения. Это такой способ выживания — простран-

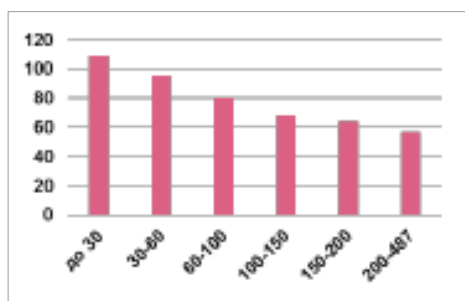

Рис.15. Динамика численности сельского населения в 2017 г. в % к 1990 г. по мере удаления районов от областного центра в регионах Центральной России, в км

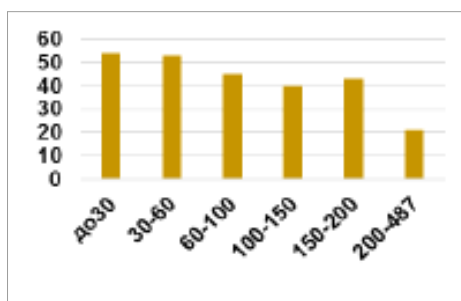

Рис. 16. Динамика посевной площади в 2017 г. в % к 1990 г. по мере удаления районов от областного центра в регионах Центральной России, в км

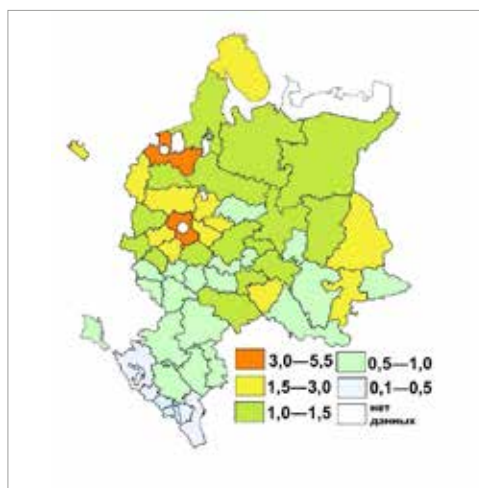

Рис. 17. Отношение числа дачных домохозяйств горожан в организованных садовых и дачных посёлках к числу домохозяйств сельских жителей, число раз, по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи, 2016

ственная мобильность населения, чтобы заработать, не уезжая окончательно из деревни. Это очень важно, потому что семьи остаются в деревне и сеть расселения сохраняется.

Второй способ сохранения и спасения в какой-то мере этих территорий — это миграция горожан в сельскую местность временно на дачи. На карте на рис. 17 по сельскохозяйственной переписи показаны только садовые и дачные товарищества. Если посчитать число дачников-горожан, которые летом живут в садовых и дачных

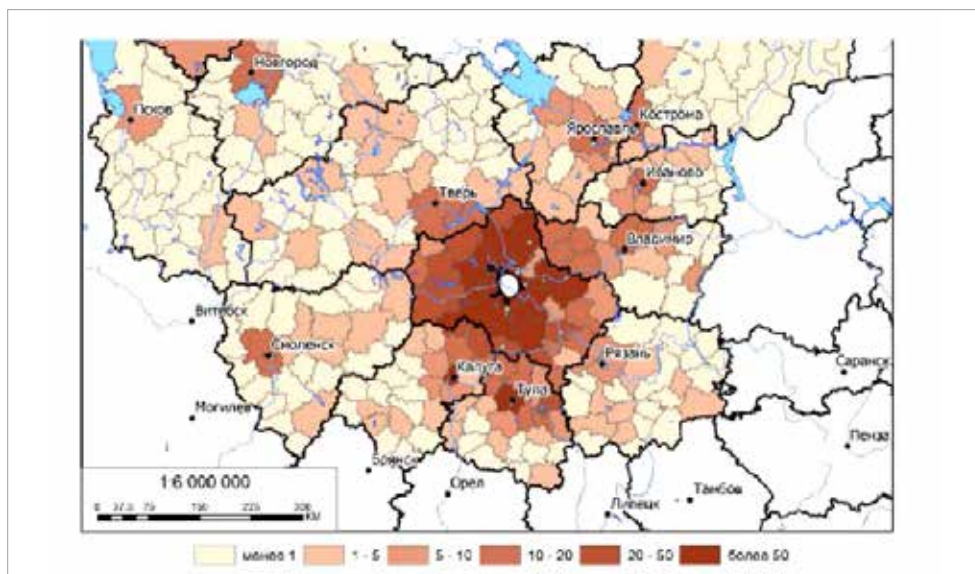

Рис. 18. Плотность участков (домохозяйств) садовых товариществ и коттеджных поселков, расположенных вне населённых пунктов в муниципальных районах в Московской области и вокруг неё, число участков на 100 кв. км.

Подсчитано на основе материалов дешифрирования космических снимков А.А. Медведевым (Между домом и... домом. 2016. С. 368)

товариществах и сравнить с численностью сельского населения, то цифры поражают. В летние месяцы в этих районах число горожан в 2–3 раза превышает число сельских жителей, хотя, конечно, эти товарищества ближе к городам.

А что такое садовые товарищества? Это совершенно особая, невидимая ни статистикой, ни властями сеть расселения, при которой и магазины, и рабочие места. Некоторые остаются там на зиму. И никто их не видит. На самом деле это не только пригороды, дачные посёлки располагаются и за пределами Московской области. По космическим снимкам можно посчитать число участков и примерное число горожан, которые в сезон находятся в сельской местности (рис. 18)⁵. И это распространяется далеко за пределы Московской области. В основном это москвичи и жители крупных городов Подмоскovie. Зоны их распространения тянутся вдоль трасс во все стороны. А плотность горожан-дачников в сельской местности примерно до расстояния 140 километров от Москвы превышает плотность сельского населения. И именно эта дачная традиция, и эта жизнь на два дома тормозит реальную субурбанизацию и дезурбанизацию в России, пролонгирует урбанизацию. Это касается не только садовых товариществ. Очень популярна покупка домов в деревнях на довольно большой территории. Особенно в деревнях небольших, меньше 100 человек, потому что

⁵ Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Нефедовой Т.Г., Аверкиевой К.В., Махровой А.Г. М.: Новый Хронограф. 2016. 504 с. URL: <http://ekonom.igras.ru/data/bhah2016.pdf>.

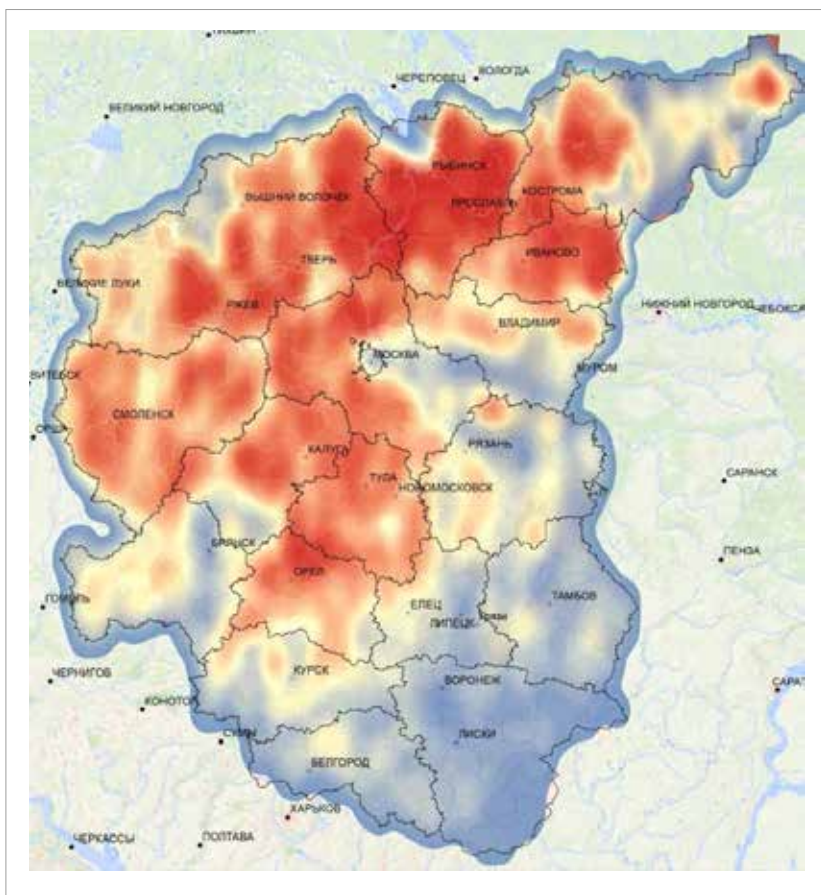

Рис. 19. Зоны повышенной плотности сельских населённых пунктов с численностью населения менее 100 человек (карта составлена А.А. Медведевым)

в крупной деревне дачникам трудно вписаться в местное сельское сообщество. А малые деревни в живописных местах очень популярны.

Рис. 19 показывает плотность населённых пунктов до 100 человек. Вот он, казалось бы, потенциал дачного реосвоения. Горожане покупают там пустующие дома под дачи и тем самым спасают сельскую местность от полного запустения. Но есть большое «но». За границами Московской области значительные территории оказываются фактически недоступными. И чем дальше от трасс и городов, тем сложнее добираться до малых деревень.

Мы с Андреем Медведевым (заведующий отделом картографии Института географии РАН) в рамках проекта РНФ о староосвоенных районах работаем над картой, на которой совмещаются потенциал небольших деревень, имеющих свободные дома, которые могли бы быть интересны городским и московским дачникам, их транспортная доступность и притягательность природных ландшафтов (берега рек и озёр, опушки леса и т.п.). Это территории возможной экспансии горожан на дачи

в деревнях. Но при условии сохранения нынешней социальной и дорожной инфраструктуры и хотя бы небольшого числа местных жителей.

Я заканчиваю выводами и некоторыми вопросами, на которые, честно говоря, сама не знаю ответа. И мне хотелось бы, чтобы мы их обсудили. Это вопросы не столько к Андрею Ильичу, сколько к аудитории.

1. Вокруг Москвы работают обе составляющие влияния крупного города на его окружение: а) выкачивание крупным центром социально-экономических ресурсов из окружающих территорий и б) диффузия инноваций и стимулов развития от центров к периферии (по Фридману, Хегерстранду). Но первая пока превалирует над второй. Почему Россия задержалась на этой стадии?

2. Экономическая поляризация пространства благодаря специфике российских институтов стимулирует миграции в главные центры и их пригороды, что в свою очередь пролонгирует урбанизацию и экономическую поляризацию. Как разорвать этот замкнутый круг? Может ли Россия развиваться иначе?

3. Централизация управления сочетается с возросшей ролью личности на низовом уровне (руководителей больших и малых предприятий, активистов). Как совместить разнонаправленные тенденции усиления регулирования сверху и растущих инициатив снизу? Как не загубить эти ростки?

4. Центральные районы России — это территории уникального культурного наследия страны. Как сохранить наследие в условиях поляризации и социально-экономического опустынивания? Ведь альтернатива — это разруха и зарастающие лесом деревни, церкви, усадьбы.

5. При невозможности вертикальной социальной мобильности на периферии она трансформируется в возвратную пространственную мобильность. Отходники, дачники стали фактором, временно сохраняющим сеть расселения и очаговую освоенность территории, но не снимающим экономические контрасты. Как поддержать процессы, хотя бы сглаживающие социально-экономические контрасты?

Спасибо.

А. Г. Вишневский

Спасибо. Будем считать, что мы более-менее знали то, что нам рассказала Татьяна Григорьевна, а вот сейчас мы узнаем то, чего мы не знали.

Андрей Ильич нам расскажет «Что с этим делать?», и потом мы это обсудим.

А. И. Трейвиш, *главный научный сотрудник Института географии РАН, доктор географических наук, профессор*

Да, Татьяна Григорьевна погрузила вас глубоко в эмпирические подробности того, что происходило и продолжает происходить в Центральной России. Моя задача — немножко разгрузить, приподняться слегка над этим в рамках пресловутого российского вопроса «Что делать?», слегка затронув и другой пресловутый вопрос — «Кто виноват?». Но это так, вскользь.

Вообще, надо ли что-то делать? Если да — почему? Если нет — тоже почему? Каковы резоны? И с чем делать-то? С каким именно процессом? С сжатием, с поляризацией, может быть, с концентрацией — всё это упоминалось? Может быть, с неравномерным развитием и что это такое вообще за звери?

А. И. Трейвиш

Это близкие понятия, одного ряда, но всё-таки со своими нюансами. Наиболее общее, пожалуй,— неравномерность развития, кстати, именно развития. Неравномерность очень тесно с ним связана, потому что любое развитие всегда неравномерно во времени и пространстве, равномерного развития не бывает. Но, правда, до тех пределов (слабо нами изученных и вообще всей наукой социальной), когда неравномерность начинает затруднять развитие и даже его останавливать. Но это большой вопрос, который уведёт далеко в сторону, начиная с книги 1975, кажется, года американского экономиста Артура Оукена «Равенство и эффективность: большая обратная связь».

Концентрация — это попроще, это сосредоточение какого-то явления в какой-то определённой области, в данном случае в пространстве. Пока растут и центр, и периферия разными темпами,— это просто концентрация, хотя центр прибавляет быстрее. Вот поляризация — это тут рост, а там уже убыль, упадок, депрессия. То есть получаются два разных полюса, по крайней мере так считает большинство регионалистов.

И, наконец, сжатие — это когда теряющий полюс, полюс-лузер, начинает пустеть и всё тянется в эпицентр. Вслед за сёстрами из пьесы Антона Павловича Чехова «в Москву, в Москву, в Москву».

Впрочем, в этом клубе, когда мы обсуждали такие проблемы под лозунгом «Реванш пустеющего пространства» в 2011 году, уже были две трактовки сжатия

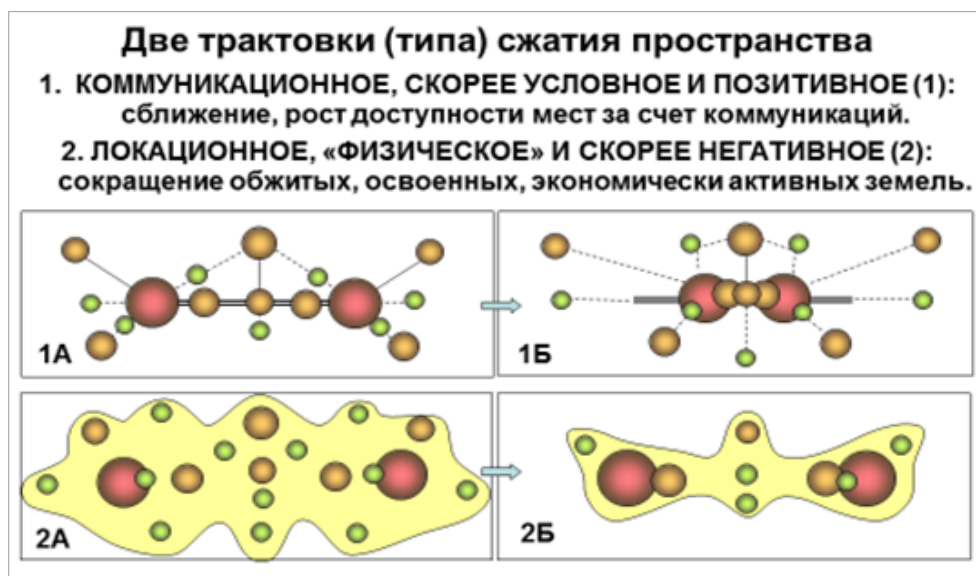

Рис. 20. Две трактовки сжатия пространства

пространства. Их действительно две, и они не похожи друг на друга. Первое сжатие — коммуникационное (рис. 20), оно даже не очень реальное, оно, скорее, виртуальное, и воспринимается позитивно. Это когда нарастает доступность, известность мест за счёт средств коммуникации и связи (верхний ряд). Когда-то британский географ Питер Хаггет назвал этот процесс «имплозией», внутренним взрывом, но это физикам лучше судить, насколько удачно назвал. То есть большие массы, крупные города, условно говоря, сближаются, потому что между ними первыми устанавливаются более быстрые и современные коммуникации, а вот всякая мелочь может даже отскакивать, от них удаляться.

И второе — оно более такое физически ощутимое нами, локационное сжатие, скорее воспринимаемое как негативное. Это утрата обжитых, освоенных, экономически активных земель или их сокращение, то, о чём, собственно, говорилось в первом докладе. Они в жизни-то действуют синхронно и совместно, и обычно в пользу центров и против периферии, чем и усиливают поляризацию.

Сегодня мы говорим только о втором сжатии — стягивании, хотя с некоторыми отсылками и к коммуникационному сжатию, более благоприятному явлению. Ну и теперь — как же с этим сжатием второго рода быть? Это зависит от отношения к нему. Как уже говорилось, в обществе оно обычно негативное, причём на обоих полюсах. На теряющей периферии такое сжатие воспринимается как деградация, как социальное опустынивание, как забвение (нас бросили, Москве до нас дела нет), как потеря наследия в самом широком смысле этого слова — и экономического, и культурного, и социального. Отсюда призывы в СМИ к «размосквичиванию» России: «хватит всем в Москву, Россия — это не Москва». В центрах тоже воспринимается плохо: как перегрузка, переуплотнение, как «сколько же может расти Москва?», как

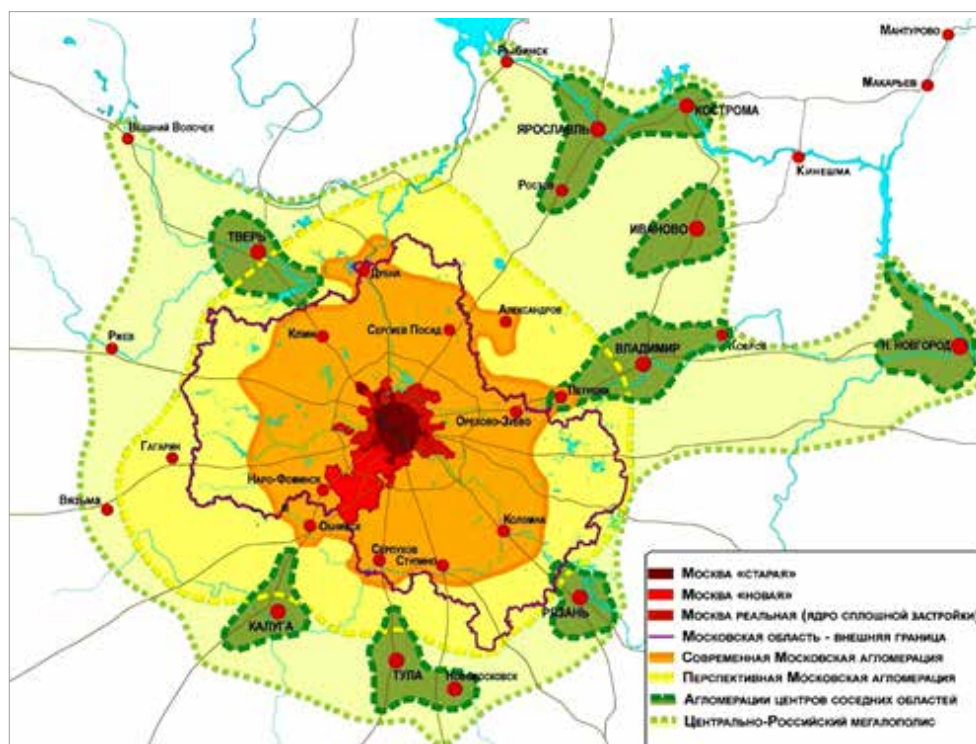

Рис. 21. Центрально-российский мегалополис

«понаехали тут» и тому подобное. Даже кто-то из москвичей в этой связи готов поддержать другой лозунг из СМИ: «расстоличивание Москвы». Дескать вот лишим Москву столичных функций — может, она так пухнуть перестанет. У экспертов и чиновников, в отличие от широкой публики, мнения бывают другие и самые разные.

Какие основные варианты? Я насчитал их четыре.

Во-первых, вообще ничего не делать. По-французски *laissez-faire* — пусть себе течёт, как течёт. Жизнь сама разберётся и, может быть, развернётся даже обратно. Ведь урбанистические тела расширяются. Город перерастает в городскую агломерацию, городская агломерация перерастает в такую ещё более сложную категорию, как мегалополис. А сама урбанизация, вообще-то, затухает, демографических ресурсов для неё меньше, сменяясь противоположным процессом — дезурбанизацией или контрурбанизацией, это синонимы по сути. Ну вот и подождём, пока все это произойдёт.

Проблема в том, что, начиная с некоторого момента, мы не повторяем западные траектории развития урбанизации, мы можем не дожидаться. Почему? У нас городская сеть сильно разрежена, по сравнению с Европой по крайней мере. Расчётное среднее расстояние ближайшего соседства двух больших городов (у нас это от 100 тысяч жителей и больше) составляет сотни километров, где-то за 300. Даже в Центральном федеральном округе, о котором мы сегодня в основном говорим, это

больше 100 километров. А если вынуть оттуда Московский регион, где половина городов этого округа находится, то остальные друг от друга будут разделять в среднем 160 километров. В ядре Евросоюза вдвое меньше — 80 километров, от 45 в Нидерландах до 115 во Франции.

Казалось бы, велика ли разница — 80 или 160? На первый взгляд, невелика, а для географов очень велика. Положим, что у рядовых городов, не гигантов, агломерационные зоны от 25–30 до 50–60, в среднем 40 километров. Тогда 80 км на Западе делим пополам и получаем по 40; значит, у них эти агломерационные зоны будут смыкаться на прямом пути между городами-ядрами. А вот при 160 км у нас половина дистанции останется вне агломерационных зон, благоприятных для концентрации и развития, а население там все ещё есть, как мы видели.

У нас, конечно, есть большие такие урбанистические образования типа мегалополисов (рис. 21) ⁶. Наш Центрально-российский мегалополис, правда, невелик по мировым меркам, примерно 25 миллионов человек. Мегалополис — это группа сближенных агломераций, как агломерация — группа сближенных городов. Только на большем пространстве у них разные типовые размеры: 25 миллионов человек — нижняя граница подобных образований, ведь, например, мегалополис Дельты Янцзы в Китае — это 80–100 миллионов человек. У нас большие пространства, в Америке большие пространства, в других обширных странах тоже. Там-то как? Там тоже больше 150 километров расстояния между городами, но оно преодолевается за счёт коммуникаций. Но, как мы с вами знаем, у нас по-настоящему высокоскоростные поезда (да и то не совсем по-настоящему) существуют только между Москвой и Петербургом и слабо распространяются. Вот это, значит, первая причина — разрежённость.

Вторая причина — сильная централизация управления, о которой уже шла речь, и роль административной и столичной ренты. Там всё начальство, близость к нему — так работает эта рента. И пока это так, в регионах будут расти в основном административные центры, а в стране в целом — прежде всего столичная агломерация.

Третья причина: массовая контрурбанизация в России давно идёт, только в особом таком виде, дачном, или, как сказали бы наши западные коллеги, на базе второго дома, *second home* — в силу резко выраженной сезонности климата (кстати, скандинавские страны нам конкуренты по доле дачников в населении), глубины исторической традиции русской дачи, из-за тесноты в городах и широты функций наших дач, включая неведомую в западных странах подсобно-аграрную для самопропитания в трудные времена, когда продовольствие в дефиците или слишком дорого. Россия — дачный чемпион мира, в абсолютном и даже в относительном зачёте, но у нас нет статистики, а по оценкам, не менее 50% городских семей имеют дачи за городом. Но наша страна, увы, не лидер мирового «дачеведения». Мы всячески пытаемся его развивать, но нас мало.

Есть второй сценарий, более радикальный в отношении слабой периферии.

Да ну её к черту, грубо говоря. Надо ускорять это сжатие, хотя бы ради экономии бюджетных копеек. Копейка рубль бережёт, глядишь, и на батальон Национальной

⁶ Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация пространства Центрально-российского мегалополиса и мобильность населения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. № 5. С. 77 – 84.

гвардии наберётся. Вариант этой политики: развитие только крупных агломераций, штук 20 или 30, потому что «периферия всё равно безнадежна и никому не нужна». Пусть уж лучше туда вернётся дикая природа, создадим особо охраняемые территории, они усилят позиции России как великой экологической державы, экологического донора всей планеты. Надо сказать, что многие наши коллеги-географы разделяют такое убеждение. Человек — что это за муравей такой? Не он один царь земной, природа важнее. Да, этот актив в экономике работает слабо, он не капитализирован, хотя, начиная с Киотского протокола, что-то в этом отношении происходило. Но дело всё-таки идёт к тому, что на нём можно будет когда-то зарабатывать.

По сути, на практике в последние годы реализуется именно этот вариант или что-то весьма к нему близкое. То есть ускоряют сжатие в виде укрупнения сельских поселений, да и городских тоже, в виде ликвидации части социальной инфраструктуры, малых школ, больниц, клубов. К северу от Москвы, где много лесов, местное начальство часто живёт так, словно населения уже вообще не осталось. Вернее, оно ещё есть и, конечно, начальство о нём заботится по долгу службы, но что такое заработная плата главы сельского поселения? Где-то 20 тысяч в среднем. Вы что, будете на это жить? Они тоже не согласны жить на одну зарплату, они подрабатывают. Чем? Лесом и лесными промыслами: элитная охота, рыбалка в зимнее время, всякие лесные откупы и тому подобное.

Конечно, этот второй сценарий встречает критику, и оппоненты говорят: ненужных земель ни у какой страны не бывает и быть не может. Мы просто не знаем, когда и кому они понадобятся. Это не просто земли, территории. Это носители культуры и традиций, когда-то, между прочим, бывшие славными новациями, которые поднимали эти районы и города, и страну в целом. Миллионы ещё там живут, и лучше их там удерживать, потому что руины и пустыри, лишившись социального контроля, дичают, и дичают опасно. Это приют всякого рода бомжей в широком смысле — и людей, и зверья бродячего. Они надолго остаются уже не культурными ландшафтами, но ещё не природными. Это, скорее, пустырные ландшафты, а то и мусорные.

Третий вариант — раз это запустение нехорошо, давайте его тормозить, как-то сдерживать, смягчать социальные издержки, а не бежать впереди паровоза. Инструменты и средства, в общем, есть. Они могут быть и затратными, вроде введения периферийных льгот и надбавок по типу северных. Мы хотели, чтобы население ехало на север и оставалось там, вот и вводили эти льготы и надбавки. Давайте периферийные льготы введём, потому что там тоже тяжело жить. Даже в 150 километрах от Москвы — уже глубинка глухая.

Можно и с малыми затратами. Вот конкретный пример со школой, почти из жизни срисованный. Укрупнили школу, осталась вместо двух одна. Ходит школьный автобус, разумеется. Ходит и даже укладывается в некоторые нормативы времени. Он идёт сначала в дальнюю деревню — ту, где была школа, и в другую, где её не было. Там по два ученика в каждой и три километра расстояния. Потом он идёт дальше по всем деревням, включая самую ближнюю, откуда можно и пешком дойти, но автобус там семерых учеников последних забирает и привозит в действующую начальную школу в нынешнем центральном посёлке. Кстати, школьный автобус очень часто единственное средство общественного транспорта, оставшееся в такого рода краях. И что это означает для, скажем, 7-летнего пацана, вообще карапуза, маленького

ребёнка? Это до 60 километров, 2–2,5 часа в день в автобусе трястись по ухабам и просёлкам, со всеми остановками, ожиданием пассажиров. Транспортная усталость и для взрослого неслабая. Между тем в деревне, где бывшая школа, наверняка живут бывшие учителя на пенсии, которые за минимальную прибавку к этой пенсии соглашались учить детей начальных классов. Нужен ли им компьютер? Что-то другое очень продвинутое? Их надо научить читать, писать и считать, лучше хорошо, потому что большая школа иногда и этого не умеет сделать. Если детям даже пешком ходить из соседней деревни, то это будет меньше времени, чем в школьном автобусе. А если у родителей есть машина или хоть мотоцикл, то и вовсе неплохо.

Эта стратегия реализуется местами в России. В Татарстане есть такой опыт, например, но в большинстве регионов нет. Проверять знания — пожалуйста, в действующей школе, как при обучении экстерном.

Четвёртый вариант — искать и поддерживать любую возвратную волну, какой бы она ни была. По социальной массовости среди них выделяется дачная волна «реконкисты» внутренней периферии, по-народному — глубинки, которой у нас так много. Эта волна не повторяет аграрных, промышленных и прочих прежних волн. Но зато достигает мест, пока действительно мало кому ещё интересных. Она доступна разным слоям россиян при обилии типов дач, их местоположений, цен на них. Она не требует даже особых затрат государства, потому что люди их несут в основном сами, а инфраструктуру, вообще-то, и так надо поддерживать, с дачниками или без них. У дачи и дачного бума есть свои теневые стороны, на которых я сейчас не буду останавливаться, но это не повод замалчивать само явление. Между тем оно практически замалчивается, игнорируется различными стратегиями и программами развития самого разного уровня, федерального особенно, да и регионального. Там могут много писать о развитии классического туризма, это очень популярная тема. А о дачах, как правило, ничего. У нас вообще не очень серьёзное отношение к этому явлению. Ну подумаешь, второй дом — без него же человек обойдётся. Это что-то вспомогательное, подсобное. Если вот юмор или детектив — то можно о даче и на даче, а если что-то более серьёзное — действие вряд ли будет происходить в дачном посёлке.

Вывод такой, в виде общего заключения с предыдущим докладчиком. На наш с Татьяной Григорьевной взгляд, при всей важности проблем развития окраин России, и Севера, и Дальнего Востока, и Юга, а с некоторых пор ухудшения отношений и западных окраин тоже, всё-таки самой вездесущей, повсеместной (по-научному, убиквитетной) и социально значимой проблемой развития страны остаётся проблема центрально-периферийная. Так нам представляется. Она видна и остра и вообще на всей территории страны, и в самом её ядре, в самой сердцевинной части России, где социальный перепад на расстоянии каких-то 100 километров — головокружительный. Все, кто выезжает из Москвы, пересекая эту территорию по железной или автодорог, это наблюдают регулярно. У меня всё, спасибо за внимание.

А. Г. Вишневский

Спасибо. Вопросы?

В.Л. Макаров

В.Л. Макаров, научный руководитель ЦЭМИ, профессор, доктор физико-математических наук, академик РАН

К Татьяне Григорьевне вопрос. Очень много интересной информации, одновременно визуализированной: какую роль играют дороги, даже наличие газа и прочее. А проводились ли исследования зависимости всего этого, о чём вы рассказывали, от наличия электричества, главным образом от наличия телефонов, а самое главное — от наличия интернета? Я не говорю о таких тонкостях, как 3G или теперь 5G. Почему я спрашиваю? Я знаю людей, которые только и сидят в компьютерах, пишут компьютерные программы и пр. Они как раз готовы жить чёрт-те где, но важно, чтобы эта связь была. Ничего такого не проводилось? Тем более с учётом динамики, потому что мы будем жить скоро в этом самом, цифровом, мире.

Т.Г. Нефёдова

Есть даже карты, их публикуют сами фирмы, на которых показана степень охвата территории разными провайдерами: МТС, Мегафон и так далее. Они доходят и до периферийных районов, по крайней мере вокруг Москвы. Но связь, как правило, плохая. Мы знаем это по себе, поскольку много ездим, пользуемся телефоном и компьютерам. Но постоянно работать в удалённых периферийных районах в интернете на компьютерах, конечно, сложно. Надо сказать, что вообще власти очень сильно отстают. Вы помните эпопею с телефонами, которые везде поставили, во всех

деревнях, кабели провели, массу денег потратили, и никто ими не пользуется, потому что пока приняли программу, пока выполняли, уже появились мобильники. Я ни разу не видела, чтобы этими стационарными телефонами кто-то пользовался. Постепенно связь улучшается, но всё-таки медленно и недостаточно. И это один из факторов, кстати, отъезда молодёжи. Вы правы абсолютно, потому что молодёжь, даже школьники в деревнях уже без компьютера не могут. И когда у вас одна-две программы телевизора, и когда не ловит сеть, они оканчивают школу и едут в город.

В. М. Полтерович, *руководитель направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, профессор, доктор экономических наук, академик РАН*

Спасибо за доклады, очень интересно. У меня вопрос вот какой: всё-таки для того, чтобы тезисы были убедительными, мне кажется, нужно как-то аккуратно сравнить ситуацию в России с ситуациями в других странах, но не брать Европу нынешнюю, потому что сравнивать Россию с нынешней Европой не очень продуктивно. Нужно правильно отступить во времени. Скажем, например, 100 лет. Может быть, интереснее брать страны, где большое пространство и низкая плотность, скажем Канада — интересный образец. Если посмотреть, как эти страны развивались, они, видимо, сталкивались с теми же самыми проблемами: центр, периферия, пространство и так далее. Понятно, что есть различия, мы живём в другом веке, но всё-таки, если говорить о принципиальной разнице, — в чём разница в развитии этих стран и нынешней России?

А. И. Трейвиш

На мой взгляд, принципиальная разница заключается вот в чём. Эти страны не знали такой сильной административной руки. У нас искусственным образом в течение очень долгих советских десятилетий поддерживалось сельское хозяйство там, откуда оно должно было по естественным причинам постепенно уходить гораздо раньше. Корова была номенклатурой райкома, зарезать её можно было только с разрешения советской власти. Засевать поля, допустим, льном, который довольно трудоёмок, надо было, а вот убрать его — уже нет никаких сил, и он часто уходил под снег.

Вот такого рода ведение хозяйств плюс огромные дотации, которые государство давало нечернозёмным сельским хозяйствам, тогдашним колхозам и совхозам, — это как подпорки такие, поэтому крах такой сильный. Вот вы строите мост и делаете подпорки, тянете этот мост, но у вас кончаются деньги или другие какие-то ресурсы, с ними кончаются подпорки, и всё это рушится. Крах при этом наступает гораздо более глубокий, сильный, чем когда это постепенно происходит. Да, конечно, и в Канаде, и в Соединённых Штатах при меньшей сравнительно территории, и в Австралии при другом климате проблемы есть очень похожие. Но они успевали к ним естественным образом адаптироваться гораздо раньше, чем это получалось у нас. Может быть, из-за того, что там всё-таки была рыночная экономика и государство не так уж сильно лезло в экономику. Может быть, по другим причинам, тут я не большой спец. Но факт тот, что в той же Канаде и Австралии нет такой социальной массы периферийного населения. Его и вообще меньше. Там действительно почти все сосредоточены в обжитых коридорах, в агломерациях и более крупных городских образованиях.

В. М. Полтерович

Т. Г. Нефёдова

Я чуть-чуть добавлю. Есть книга «Центральная Европа», я сейчас забыла, Мартонна, кажется, написанная в 30-х годах, перед войной. Когда начинаешь читать эту книгу, то это просто про современную Россию, вы правы, да. Те же заброшенные деревни, те же проблемы, тот же плач, и что делать — непонятно. Андрей уже сказал, что сжатие действительно шло везде, во всей Европе. Потери земель и в Штатах были очень большие. Но это шло постепенно и сопровождалось ростом производительности труда. Более того, мы недавно были в Финляндии, которая, как я говорила, похожа на нас в чём-то и по климату, и по территории она как Центральный район. Там эти проблемы до сих пор очень острые, потому что фермеры уходят из проблемной зоны № 1, как они её называют, с озёрами и малопродуктивными почвами, хотя живут ближе к столице и вообще на юге. Там тоже это сжатие идёт давно и постепенно. Они пытаются что-то делать: поддерживают фермеров, особенно молодых. Но там великолепные дороги, к каждому полю есть подъезд, бытовая инфраструктура, ну и я не буду вам перечислять все остальные, то, чего у нас просто нет.

А. А. Черников, президент Международного архитектурного благотворительного Фонда имени Якова Чернихова

Татьяна Григорьевна, Андрей Ильич, мы действительно присутствуем при таком продолжении почти что десятилетней давности доклада, и огромное спасибо за более

А. А. Черников

глубокое раскрытие темы. Но, честно говоря, я думаю, что выражу мнение общее,— самое интригующее во всей этой истории был вопрос: что с этим всем делать? Я даже скажу, что манифест сегодняшней современной архитектурной биеннале в Венеции — «Как жить нам всем вместе дальше», то есть всех интересует именно это. Хотелось знать ваше мнение, может быть, в самом сжатом виде: а что с этим делать? Мы всё понимаем про удивительную ментальность нашего населения, удивительную концентрацию власти. Владимир Ильич, как, на ваш взгляд, выходить из этой ситуации?

А. Г. Вишневский

Вопрос, может быть, более привычен в связи с Владимиром Ильичом, но что делать, наш докладчик Андрей Ильич!

А. И. Трейвиш

Вот я и хотел начать с того, что, будь я Владимиром Ильичом, проблем бы не было, расстрелять сотню-другую, и всё. Я, Андрей Ильич, не очень хорошо знаю, что именно надо делать. Единственное, что я вижу, это четыре варианта. Могу их кратко ещё раз напомнить.

Ускорять сжатие, потому что всё равно перспективы никакой у периферии нет. Не делать ничего, пусть жизнь сама разбирается, и общество найдёт какие-то свои рычаги, может быть, возвратная волна начнётся, а не начнётся — тогда приспособимся.

Третий вариант — это притормаживать в той мере, в какой вообще государство способно, в какой у него есть ресурсы притормаживать это сжатие, понимая, что такое «бросание» территорий небезопасно и с социальной, и с геостратегической точки зрения. Хотя последнее больше на окраинах, а здесь у нас внутренние территории, геополитической опасности такой нет.

И четвёртое — это всячески поддерживать, стимулировать возвратные волны. Они же есть. Есть экономические волны, есть социально-экономические в виде дач.

Я за умеренные варианты. Честно говоря, мне больше импонируют второй и третий. Потому что я понимаю, что у государства никогда не будет средств на мощную поддержку этих возвратных волн. Это не то, что выгодно. Если можно срубить деньги, то, конечно, и на периферию заберутся за каким-нибудь ценным природным ресурсом. И первый вариант мне сильно не нравится — тот, который реализуется де-факто ради экономии бюджетных копеек. Вот из двух, которые в середине, можно подумать, какой лучший и когда. Мне импонируют эти два, таково моё мнение. Единой позиции в стране по этому поводу нет, я уже об этом говорил.

А. Г. Вишневский

Спасибо, Андрей Ильич.

В. П. Булдаков, *старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории и российской политологии, Институт российской истории РАН*

В докладах не прозвучала тема внутреннего туризма. Вообще-то стоило бы над этим подумать. Я постоянно бываю в Тверской губернии и могу сказать, что там есть на что посмотреть и, в общем, желающие посмотреть тоже есть. С дорогами, сами понимаете, не всё хорошо, но всё-таки получше становится. Рассматривались ли проблемы под этим углом зрения?

Т. Н. Нефёдова

Когда я показывала Ярославскую область, какие малые города там растут, то это Ростов, Углич, Переславль. Это, конечно, во многом благодаря туризму. Я говорила о наследии, и конечно его надо использовать. Мы на этом не акцентировали внимание отчасти потому, что в любых стратегиях пишут, что мы везде разовьём туризм — и у нас всё будет хорошо. Вот мы построим здесь, там гостиницы, турбазы, и сюда поедет народ, и местные будут работать. Но, вы знаете, наш опыт показывает, что если это не город, а сельская местность, то сильного толчка для неё туризм не даёт. Обычно привозят работников из города, всё равно начальник, как правило, в городе. Очередной очаг формируется, но не дальше. И это тоже не такая простая проблема.

А. В. Захаров, *вице-президент ИК «Еврофинансы»*

Спасибо за очень интересную презентацию. Весьма сложная тема и проблема. Но знаете, я поймал себя на мысли, что я не очень убеждён, по крайней мере на основании тех материалов, которые были представлены без сравнения с другими регионами, что согласен с выводами, сделанными в презентации. До сегодняшнего вечера у меня было впечатление, чисто интуитивное, что в Центральной России жить непросто по совершенно понятному набору причин. Но это не сравнить с нашей

В. П. Булдаков

периферией. Если мы возьмём, допустим, Магаданскую область — это 400 тысяч квадратных километров площади и 140 тысяч населения. Рядом Якутия — это 3 миллиона квадратных километров и около миллиона населения. Три миллиона — это, кстати, примерно треть Европы. Я по Магаданской области как-то проехал, по этому знаменитому тракту с юга на север, и увидел там завораживающую природу — и богом забытые посёлки, ну и плюс там ещё золотишко добывают, посёлки золотоискателей. Всё-таки мне интересно, почему самая социально значимая — проблема Центральной России, периферия здесь не так остро выглядит?

А. И. Трейвиш

Нет, я не говорил, что самая главная — Центральная Россия. Я сказал, что центро-периферийные проблемы у нас самые вездесущие. Такая проблема есть и в Магаданской области, потому что есть Магадан, и есть череда заброшенных поселков. И то же самое у нас воспроизводится в любом сколько-нибудь крупном районе, даже в низовом. Но разница есть. Где-то на крайнем северо-востоке, где очень много территории, природные ресурсы то востребованы, то нет, эта востребованность такая спорадическая, она кончается. Из-за этого, кстати, иногда приходится спустя 100–200 лет осваивать те же места, потому что раньше этого ресурса в упор не видели, он был не нужен, потом всё это рассыпалось — вся прежняя система расселения, какие-то пушные фактории, потом что-то ещё, добыча того сего. Всё это ушло, но вот мы

А. В. Захаров

находим какой-нибудь новый сверхценный ресурс и должны на местах давно исчезнувших поселений возводить что-то для хотя бы вахтового освоения. Здесь такой проблемы вроде как нет, но там, на востоке, нет и такого культурного наследия. Ну, наследие ГУЛАГа, наследие малочисленных коренных народов, оно есть, но такой плотности культурного наследия и такой его руинированности — нет. В Европейской России несколько сотен исторических городов, около 90 процентов всех российских, и они, как минимум, на 200 лет старше, чем за Уралом. Из них процентов 40 в Центре и на Северо-Западе. Вот вы едете по дороге Москва — Питер, свернули чуть в сторону в Чудовском районе — и вы у Аракчеевских казарм у деревни Селищи. Огромные здания, разрушенные в годы Великой Отечественной войны (там всё время бои шли, попытки прорыва блокады Ленинграда), так и не восстановленные. А там, между прочим, Лермонтов служил в гусарах, и много чего ещё с местом связано, но так и стоят эти руины, «радуя» глаз путника.

А. В. Захаров

А тогда скажите, пожалуйста, Центральная Россия, выделенная как объект анализа — это и есть в нашем понимании Русь? Колонизация шла отсюда на восток.

А. И. Трейвиш

Конечно, это hartland наш, это сердце.

А. В. Захаров

Это какая-то специальная задача исследователя — на примере Центра рассматривать проблему освоения земель?

А. И. Трейвиш

Ну, можно и так сказать.

А. В. Захаров

Потому что с востоком всё ясно, там никто просто не живёт, и все.

Т. Г. Нефёдова

Это именно староосвоенные районы с богатым прошлым и наследием, и важно понимать, что с ними сейчас происходит.

Д. Б. Зимин, *основатель и почётный президент ПАО «ВымпелКом» (БиЛайн), основатель фонда «Династия», соучредитель премии «Просветитель», доктор технических наук*

Спасибо за доклады и за возможность задать вопрос. У меня вопрос вот какой: не могли бы пояснить этот контраст между деградацией сельской местности, сельских жителей, сельских поселений и товарным изобилием, которое мы видим сейчас. Хорошо сохранилась в памяти эта голодуха, которая была в последние годы советской власти. Помните закупку зерна в Штатах, и то с большим трудом, пустые полки магазинов? У меня какой-то контраст, который требует, наверное, комментариев специалистов. Неужели всё можно объяснить изменением производительности труда сельского жителя? И, кстати говоря, зарубежными закупками не объяснишь 80% сельскохозяйственной продукции, продуктов питания внутреннего производства.

Т. Г. Нефёдова

Дело в том, что мы действительно достигли и даже превысили сейчас по сельскохозяйственному производству уровень позднесоветского времени. В 1990-х был тяжелейший кризис, система рухнула, как раз тогда закрывались колхозы и были большие проблемы с продуктами. А в 2000-х годах те, кто успел накопить какие-то деньги, неожиданно поняли, что сельское хозяйство — на самом деле очень выгодная отрасль. У него короткие обороты инвестиций: засеял — осенью получил результат или через год-два, у этой отрасли есть возможность сбыта, потому что народ всегда хочет есть, и так далее. Туда пошли инвестиции, стали возникать совершенно новые модернизированные предприятия, агрохолдинги и совсем в других районах. Я показывала карту, где было видно, что на юге производство резко увеличилось там, где чернозёмные почвы, где есть трудовые ресурсы, где есть инфраструктура. А вот из этих районов в Центре России, особенно на периферии регионов, где колхозы сидели на огромных дотациях, оттуда сельское хозяйство постепенно уходило, за исключением отдельных предприятий в очагах, которые работали на Москву, Петербург, на крупные центры.

Д. Б. Зимин

Вот этот феномен модернизации и работы там, где это выгодно, и дал нам такое увеличение продукции. При этом используемая в сельском хозяйстве территория, особенно в Нечерноземье, сжимается, и эта продукция производится либо на юге, а если в Нечерноземье, то в отдельных очагах.

Д. Б. Зимин

Простите, я не до конца понял. Во-первых, у меня впечатление, что по отношению не только лишь к 1990-м годам, голодухе, но и к лучшим годам советской власти сейчас продовольственное изобилие несравненно более высокое. Вспомним «колбасные» электрички в Москву и прочее. То есть была какая-то полуголодуха в стране и в лучшие советские времена. И сейчас — это неслыханное продуктовое изобилие.

Т. Г. Нефёдова

Но оно не совсем неслыханное, потому что у нас есть проблемы с мясом до сих пор, просто мы их в Москве не очень видим. У нас велика доля птицы и свинина, а поголовье крупного скота очень сильно сократилось и не восстанавливается. Это наша проблема, которую мы никак не можем решить. Поэтому тут не всё просто. Но вы правы, действительно это всё восстановилось на совершенно новых условиях.

Д. Б. Зимин

Что вы называете «восстанавливается»? Я такого изобилия не помню за все свои годы, довольно большие. Какое «восстанавливается»? Ничего похожего не было никогда.

Т. Г. Нефёдова

В Москве было. Другое дело, что этого не было в провинции, а сейчас торговые сети работают и в провинции. Но главное, с переходом на рыночные условия появилось много разных форм хозяйствования и увеличилась производительность: с одной стороны — агрохолдинги, а с другой стороны — на юге очень много фермеров. В отличие от нечернозёмных регионов, о которых я говорила, на юге, особенно в Поволжье, на Кубани, в Ставропольском крае много фермеров, небольших и крупных хозяйств, которые, в общем-то, условно фермеры (когда у хозяина 2000 или 3000 гектаров и десятки работников, то это уже не совсем фермер). Главное, что, работая на плодородных почвах с новыми технологиями и техникой, которую они сумели закупить, с современным менеджментом, они имеют совсем другую урожайность и продуктивность. Вырезали коров, которые давали по 2 тонны молока, закупили хорошие породы, которые дают в 3–4 раза больше. Очень сильно выросла продуктивность и технологии кардинально изменились в сельском хозяйстве. Но я не могу сказать, что все проблемы решены, не так всё просто. И территориальные различия усилились. В одних районах это развивается и сельская местность неплохо себя чувствует, если мы возьмём многие южные районы. А в других, о которых мы сегодня говорим, сельское хозяйство погибает, остаются единичные предприятия, работы нет, и непонятно, что делать с сельской территорией.

Д. Б. Зимин

Последний, уточняющий вопрос, я не совсем удовлетворён. Создаётся впечатление, что производительность труда на одного сельского жителя сейчас возросла в десятки раз.

Т. Г. Нефёдова

Ну, не в десятки, а в несколько раз возросла производительность одного работника, совершенно верно. Ну, когда у вас вместо старенького трактора по полям ходит John Deere, то она возрастёт. Когда у вас высокопродуктивная порода коров, хорошие корма, автодойка и в результате гораздо меньше занятых, то она возрастёт.

А. Г. Вишневский

Дмитрий Борисович, я как-то в магазине увидел экзотический фрукт на прилавке и спросил у продавщицы: «Откуда это?» Она ответила: «Как, откуда? С базы».

Александр Семенович Горелик, пожалуйста.

А. С. Горелик, *эксперт по международным организациям, директор Информационного центра ООН в Москве в 1999–2014 гг.*

У меня первый вопрос к Татьяне Григорьевне. С коротким предисловием. Ровно две недели назад мы три дня путешествовали по Ярославлю, Костроме и Ростову. Есть

А.С. Горелик

такой экономический термин «spillover effect», переводится он неловко, сегодня я от вас услышал отличный перевод — «диффузия». Так вот, если есть какие-то центры, куда приходят деньги или где человеческая энергия работает, то, соответственно, переливает через край занятость, доходы и всё такое. Мы едем по дороге и по наводке останавливаемся в ресторане, который москвичи завели, рядом гостиница, которую они же создали, рядом магазин, где продают замечательный сыр, творог и так далее. И вообще, за два месяца до этого мы были на севере Италии — очень похоже.

Так вот, мой вопрос такой: есть ли какая-то статистика (наверное, нет) или оценка, сколько таких искателей приключений и каковы инвестиции, если их можно оценить сегодня? Какие деньги возвращаются из центра туда, на периферию?

А второй вопрос к Андрею Ильичу по поводу инфраструктуры. Национальные проекты, о которых сегодня только ленивый не говорит, в отношении этих земель, — похоже ли, что это какой-то там сверхзвуковой самолёт пролетает на высоте 10 километров, или в национальных проектах предусмотрено развитие инфраструктуры в таких регионах? Спасибо.

Т.Г. Нефёдова

Я начну тогда, раз первый вопрос был ко мне. Дело в том, что у меня просто не было времени в докладе показать, что малый бизнес, конечно, развивается в этих районах, хотя условия сложные. Мы знаем, вообще для малого бизнеса у нас

условия сложные. Но что показательно, очень часто и мы с этим сталкивались: если появляются какие-то небольшие предприятия, производство сыров и прочее, то чаще всего это горожане. Либо из Москвы, либо из Ярославля, но это «выплеск» из крупных городов. Действительно, такая диффузия есть, это видно.

Но на что ещё хотела обратить внимание. Вы сказали, Ярославская область. Вы ехали и видели много кафе, ресторанов. Мы одно время с Андреем Ильичом посчитали по трассе от Москвы до Костромы и дальше (мы по ней регулярно ездим, у нас дача в Костромской области), сколько встречается кафе и ресторанов. Потом сравнили с другими трассами, ездили по Минскому шоссе и другим. Ну вот, самое бойкое место — Ярославская область, и это исторически так (к вопросу о наследии). Ярославские мужики всегда были самые бойкие. Достаточно вспомнить озеро Неро с огородами вокруг. Вы, наверное, когда ездили, видели, что у Ростова всегда торгуют. Зимой не знаю, а в любое другое время там на лотках продают овощи, фрукты, лук. Это район с активными людьми, так исторически сложилось. Даже было такое слово «питерщики», именно из Ярославской области было много отходников в Питер, они жили на два дома. Направление к Ярославлю и сейчас самое бойкое по формированию малого бизнеса, особенно вдоль трассы. Если вы поедете по Минскому шоссе, вы это не увидите.

А. Г. Вишневский

Оценки, инвестиции есть какие-то?

Т. Г. Нефёдова

Нет, с малым бизнесом вообще очень сложно, вы знаете.

А. И. Трейвиш

Ко мне ещё был вопрос в продолжение к этому. Конечно, нет никакой статистики, а вот такие же наблюдения, они только подтверждают ваши: очень много всего в регионах делается москвичами, в крайнем случае жителями столиц этих регионов. Почти весь придорожный бизнес — и рестораны, и гостиницы, и что-то ещё — это люди не местные, по крайней мере хозяева. Владельцы живут в Ярославле, в Костроме либо в Москве.

Т. Г. Нефёдова

Можно я отвечу, пока ты не начал о национальных проектах? Когда говорили о национальном проекте по развитию инициатив в Министерстве сельского хозяйства, стоило большого труда снять фразу, что это будет поддержка инициатив только местных жителей. Надо любые инициативы поддерживать, если они важны для территории.

А. И. Трейвиш

Ну, и теперь немного об инфраструктуре. Дорожной. У вас хороший образ: самолёт, который летит на огромной высоте, и что до него тому, кто живёт где-то там? Точно так же, как кто-то говорит на неслышной радиоволне, по интернету, а у вас нет приёма, вы вне зоны доступности, и что вам толку от этих современных коммуникаций?

Что касается дорожной сети — там у нас такое застарелое отставание, просто чудовищное! Вся протяжённость наших дорог с усовершенствованным покрытием меньше, чем во Франции или в Японии — странах сравнительно маленьких в сопоставлении с нами. Да, улучшается, да, в том числе национальный проект — хорошо, назовём теперь так, хотя и раньше были проекты реконструкции дорог. И действительно кое-что происходит, вот по той самой трассе, по которой ездили вы, особенно за Костромой, я не знаю, были ли вы там, в сторону Кирова и дальше. Это когда-то была просто заповедная дорога, то есть ухаб на ухабе, она сходила вместе со снегом, потом за лето её латали, следующей весной дороги снова не было, одни колдобины.

Сейчас положили почти целиком новый асфальт, потому что дорогу сделали федеральной. Это большой прогресс. Я не знаю, на сколько её хватит, потому что прежние участки, перекрытые, сходили на нет года через четыре. Просто ямочный ремонт сходил в следующую весну, а сплошь перекрытые участки — в зависимости от того, какая подушка, много всякой технической детальности здесь нужно знать, чтобы оценить качество нового покрытия. Прогресс налицо, но это всё-таки магистральная дорога, притом федеральная. А шаг в сторону — и вы на грейдере, и вас трясёт, и вы едете со скоростью 15 километров в час, а прибавить не можете, потому что побьёте всю машину этими камнями стреляющими. А ещё шажок в сторону, буквально несколько километров — и вы на грунтовке, которая в любой демисезон просто непроезжая.

В.П. Мазурик, *доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Я бы хотел задать вопрос об одном не упоминавшемся пока аспекте. Ведь не секрет, что многие наши стратегии освоения отдалённых регионов далеко не всегда объясняются чисто экономическими нуждами (в этом, кстати, серьёзное отличие от многих стран Европы, Канады, Австралии и т.д.), а, скорее, военно-стратегическими. При этом не стоит вопрос ни о климатических условиях, ни о качестве почвы, ни об инвестициях. У нас уже была дискуссия на тему освоения Арктики, и, разумеется, во внимание принимались и выгода северного морского пути, и проблемы экологии, и т.д., но при этом вопросы обороны стояли на одном из первых мест. То же часто говорится и о Дальнем Востоке. Как в вашем анализе учитывается этот аспект?

А.И. Трейвиш

Я с вами совершенно согласен, очень многие суперпроекты совершенно не просчитывались экономически, они принимались из военно-стратегических, геополитических соображений. БАМ — классический пример. БАМ строили не для того, чтобы разгрузить этот и без того довольно свободный даже в советское время при большой загруженности Транссиб на этом восточном его отрезке. Там такого коллапса, как на Урале и в Западной Сибири, никогда не было. Почему его стали строить? Потому что на две недели во время ливневых дождей та часть Транссиба, которая шла по южному берегу Байкала, взяла и сползла в этот Байкал, и две недели Дальний Восток был отрезан от страны. И страшно испугались, особенно в Генштабе, потому что это был период очень нехороших отношений с Китаем в начале 70-х годов.

В.П. Мазурик

Я не помню, что было сначала: программа подъёма Нечерноземья, которая, кстати, в очень большой степени была зарыта в землю в виде дренажа, потому что Минсельхоз лишился огромного фронта работ по этим великим ГЭС, вот он занялся мелиорацией. Переброска стока ещё была впереди, но она так и не состоялась. Я не помню сейчас, что за чем. БАМ — 74-й, значит в 1973 приняли очень капиталоемкую программу так называемого возрождения Нечерноземья. Вы вспомните, это же был мировой энергокризис. С каждым месяцем и даже неделей, и даже днём росли цены на нефть. А у нас уже Тюмень работала. Вот в расчёте на эти нефтедоллары и были приняты две очень затратные программы — по БАМу и по Нечерноземью. Обе состоялись частично, если не сказать, что ушли в песок. Потому что и БАМ пришлось очень долго доводить до конкурентоспособности с основной Транссибирской магистралью ещё царской постройки, и не уверен, что доведён. И с Нечерноземьем — это, скорее, вообще крах

Так что вы правы, это геостратегические интересы. Такая вот у нас территория, нам нужно и восток держать, и север держать, и запад держать, и юг тоже. И это затратно, это при таких расстояниях технически сложно.

Т.Г. Нефёдова

Поэтому про центр мы и забываем.

А.В. Захаров

Небольшой вопрос можно ещё? В рамках проведения вашего исследования рассматривалась или затрагивалась неким образом тема моногородов или это к предмету исследования никакого отношения не имело?

Т. Г. Нефёдова

Специально — нет.

А. В. Захаров

Специально нет? Но в принципе это может иметь отношение?

А. И. Трейвиш

Таких исследований много и в географии, и где-то рядом, в регионалистике. В нашем случае нет, специально не исследовалось. Малые города — да, а специально моно — нет. Их больше в других районах страны, на Урале их полным-полно.

А. Г. Вишневский

Переходим к обсуждению. Максим Вениаминович, пожалуйста.

М.В. Перов, *заместитель директора Градостроительного института «Гипрогор»*

Я попробую очень кратко сказать о движущих силах всех процессов, которые были блестяще описаны в двух докладах, и отчасти объяснить, почему на самом деле у нас особого выбора, что с этим можно сделать, нет. Потому что довольно наивно думать, что мы можем управлять системами расселения. Они живут по своим законам.

Главный тезис — система расселения есть производная от экономической модели. Вся цивилизационную историю та или иная экономическая модель что в античное время, что в нулевую, Первую промышленную, революцию определяла, задавала систему расселения. Мы живём сейчас в наследстве, которое нам досталось от Красного проекта. Это СССР. Это догоняющая индустриализация Второй промышленной революции с ярко выраженной милитаристской направленностью. Вот этим Красным проектом занимались порядка 60 лет, и под этот проект была построена система расселения в той степени, в какой её можно было перестроить. Сегодня мы имеем это наследство.

Сейчас мы имеем иную экономическую модель. Можно увидеть, какие иные технологические уклады отражались на системах расселения. Это процессы достаточно естественные. Как говорил мне один знакомый американский архитектор, знаете, чем отличается Силиконовая долина от силиконовой груди? Силиконовая долина — это естественное образование. Система расселения — вообще инерционная, спроектировать её искусственно довольно сложно. Каждый новый технологический уклад вызывает к жизни обеспечивающие его те или иные системы расселения.

Красный проект СССР. Соцгорода проектировали и строили в рамках этого проекта. В чём проблема? В том, что система расселения, сложившаяся в Советском Союзе, которая была под Красный проект, сегодня ещё есть, а модели уже нет. В России под те или иные экономические модели возникали те или иные города,

М. В. Перов

начиная с торговли «из варяг в греки». Потом они хирели, потом Петровские реформы, потом XIX век, промышленное развитие, потом Красный проект.

Сегодня модель публично не обсуждается. На самом деле мы сегодня имеем моно-сырьевую рентную экономику, ничего другого. Какая система расселения соответствует этой экономике? В воспроизводственном контуре страны, где воспроизводится товар для внутреннего рынка и торгуемые товары для мира, заняты от силы 10–12 миллионов трудящихся. Остальные — в некоем натуральном хозяйстве, они обслуживают сами себя. Какая целевая экономическая модель в России — я сегодня не знаю. Просто процесс вот этого обезлюживания и в Центральной России, и в других местах идёт естественно. Причём с сельским населением вообще вопроса никакого нет, оно будет вымыто, это понятно. С этим ничего нельзя будет сделать, никакими дачниками этого не воспроизвести. А вот с малыми городами ещё хуже, потому что они являются вещью в себе. В советское время они выполняли определённые функции, там были МТС, там были какие-то филиалы заводов для повышения доли пролетариата. Естественно, с рыночной экономикой все это рухнуло моментально, и они являются вещью в себе с непонятной функцией. Там 80–90% работников — это бюджетные работники, ещё сколько-то людей их обслуживает: парикмахеры, повара, врачи, учителя. В общем, а зачем живёт этот город — вопрос.

Понятие «удержание территории» — это даже не из прошлой, это из позапрошлой войны. Смотрите, Турция, не самая продвинутая страна, отбила сирийскую атаку

на Идлиб с помощью дронов турецкого производства. Удержание территории с помощью населения — сегодня бессмысленно об этом говорить.

Дальше, хорошо это (обезлюживание) или плохо? Татьяна Григорьевна произвольно говорила, что это бедствие, и в такой отрицательной коннотации. Это, мне кажется, от нашего имперского мышления, которое у всех у нас было, и в таком залоге люди всегда нужны. Мы же территориальная империя. Были и ещё есть некоторые тенденции власти по восстановлению этой территориальной империи. Но я это не вполне разделяю, честно говоря. Ну зачем нужно обязательно, чтобы было много населения, когда этого довольно сложно добиться? Может быть, более гуманно эти города, как и моногорода как-то управляемо переселить? Абрамович вывез с Чукотки 20 000 человек за свой счёт.

Из зала

В Москву?

М. В. Перов

В Россию, в Центральную Россию, на материк, как сказали бы. Оставшиеся 30 000 живут нормально, все при деле. Норильск сократился с 220 000 до 170 000 человек. Лишние люди, они там не нужны, и это диктует экономическая модель. Вряд ли этим можно управлять. Если кто знает, в 1935 году Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление о запрете строительства в Москве промышленных предприятий. Это постановление действовало до конца 70-х годов. За это время в Москве было построено более 300 крупных промышленных предприятий, несмотря на жёсткую административно-командную систему, на жёсткие меры наказания. Это объективно. В той догоняющей индустриализации Москва была настолько лакомым местом, что шли на любые риски, но там строили предприятия. И управлять этим не очень-то можно.

Сегодня, чтобы вообще управлять страной, нужно всё-таки минимально как-то понимать систему расселения. Мы пытались, когда делали Минрегион, в первые годы это как-то спроектировать, нам это фактически не дали сделать. Сейчас была попытка создания стратегии пространственного развития России, она, к сожалению, скажу мягко, не удалась. Что будет дальше — не знаю. Но, как говорил ушедший от нас Андрей Балдин в 2017 году, нам нужно сочинить страну. Сочинить сначала в гуманитарном смысле, а потом уже спроектировать как градостроители. И вот это, наверное, задача, которая перед нами стоит. Спасибо.

М. И. Москвин-Тарханов, *заместитель председателя комиссии по образованию и науке Общественной палаты города Москвы*

Дорогие коллеги, так получилось, что мне пришлось заниматься этими вопросами совершенно случайно. Я был председателем комиссии по перспективному развитию и градостроительству Московской думы. В наши задачи входили проблемы городской агломерации, стратегия её развития, Генеральный план города Москвы. С помощью покойного Вячеслава Леонидовича Глазычева, других уважаемых коллег мы работали по проблематике развития всего Московского региона. В частности, пришлось разобраться, а что же у нас происходит с садовыми и дачными участками, схему которых и плотность которых вы так замечательно оценили, уважаемая Татьяна Григорьевна, с помощью аэрофотосъёмки. Ваши данные почти идеально совпадают

с кадастровыми. Таким образом два разных метода показали примерно один и тот же результат.

У меня были в 2013–2016 годах оперативные данные из области, меняющиеся в процессе учёта. Что я могу сказать по данной проблеме? В Москве проживает постоянно порядка 7 400 000 взрослых людей. Это избиратели, те, кто голосует за мэра Москвы и депутатов Мосгордумы. А у них есть свыше миллиона семисот тысяч детей. Итого в Москве проживает немногим более 9 миллионов постоянно зарегистрированных людей. Все остальные — это временно пребывающие, свыше 3 миллионов, то есть всего в Москве примерно, по разным оценкам, проживает от 12 до 13 миллионов.

Но именно группа постоянно проживающих является владельцами садовых участков и прочих дач. Именно постоянные жители. Сколько же этих садовых участков? Это, во-первых, порядка 12 тысяч садоводческих товариществ, в которых находится около одного миллиона участков, и достаточно многочисленные индивидуальные дачи в Московской области. Но это не всё. Ещё около 200 тысяч имеется у жителей подмосковных городов — Красногорска, Химок, Подольска и так далее. Они тоже часто являются дачниками. Иногда эта дача — просто дом родителей. Люди переехали в город, а старый их дом превратился фактически в дачу.

Какую площадь занимают эти дачи? Все вместе свыше 100 тысяч гектаров, более тысячи квадратных километров. Получается, что средняя площадь участка всего порядка 8 соток. Но общая площадь всего дачно-садоводческого массива больше, чем вся Москва в пределах МКАД. Из них порядка 70% газифицировано. У 65% садовых товариществ есть генеральный план, проведено межевание. Свыше 90% из них имеют доступ к интернет, чаще всего не кабельный, а через Мегафон, Yota и прочих операторов.

Сколько же москвичей проживает или временно пребывает на подмосковных участках в разные сезоны? В конце июля — начале августа, по средним оценкам, в выходные — от 4 до 5 миллионов москвичей. Зимой же в декабре или феврале, даже в плохую погоду в будни — от 300 до 400 тысяч постоянно проживающих, и их число из года в год постоянно увеличивается. Вы представляете себе этот уровень субурбанизации, этот объём земельных ресурсов, участков, законно находящихся в частной собственности, подключённых к электричеству, уже в большинстве своём газифицированных, имеющих водопровод и индивидуальные скважины? (Из-за скважин бывает нарушен гидрологический баланс на многих территориях, но это другой вопрос.) С налаженным вывозом твёрдых бытовых отходов, с возможностью вызвать врача из больницы, скорую помощь на дом, заказать такси для поездки в любую часть региона. В некоторых местах можно даже ветеринара вызвать к раненой кошке в воскресенье.

Все это указывает на то, что у нас есть свой особый путь субурбанизации и она уже вовсю идёт. Это действительно огромный потенциал. До 2010 года Мосгордуме работать в этом направлении было трудно, почти невозможно, так как было жёсткое противостояние руководства Москвы и Московской области. Не было обмена данными, крайне ограниченное взаимодействие. Контакт областного чиновника и московского депутата — это рассматривалось иногда чуть ли не как преступление против интересов малой родины, Подмосковья.

М. И. Москвин-Тарханов

Потом все изменилось разом, и мы в Москве тоже стали этими вопросами интенсивно заниматься. Из успехов я, пожалуй, могу назвать следующее: в рамках соглашения между главами исполнительной власти Москва передала Московской области 4 миллиарда рублей в течение двух лет двумя межбюджетными трансфертами на развитие дорожной инфраструктуры. В политическом плане была попытка сделать так, чтобы москвичи смогли проголосовать на выборах мэра Москвы, находясь в садовых товариществах. Но затрат оказалось много, а результат был невелик. Причём и в Калужской области, и в Тульской области московские садоводы имели возможность голосовать, там ведь тоже десятки тысяч москвичей имеют садовые участки и просто купленные деревенские дома.

Тема дачной субурбанизации уже лет восемь постоянно обсуждается, но пока не на общероссийском уровне, а на уровне Москвы и Московской области. Но среди прочих проблем Московского региона она как-то всё же теряется, уходит на второй план. И это отчасти потому, что до сих пор нет внятного ответа на вопрос: современный дачник и садовод — это кто?

Во-первых, это работающий на удалённом рабочем месте человек трудоспособного возраста. Во-вторых, это семья с детьми и пожилыми людьми, часто многодетная, когда кто-то работает, а другие могут не работать и жить на даче. В-третьих, это пенсионеры. Это навскидку, но есть и другие группы людей, требуется достаточно тонкий анализ и выстраивание целой политики. Ключевым моментом является

создание удалённых рабочих мест, возможность удалённо работать по гибким графикам. Развитие этой новой формы труда — потенциал субурбанизации, создание цивилизованных городских пригородов, решение многих городских проблем, в том числе транспортных.

Важно и создание развитой инфраструктуры в садоводческих массивах. Там могут быть созданы и группы дошкольного воспитания, и система школьного семейного образования для младших классов, в том числе с помощью вышедших на пенсию учителей и сидящих с детьми мам с педагогическим образованием. Это и приближенное к жителям простое медицинское обслуживание, когда врач, ушедший на пенсию, может взять в качестве сезонной или постоянной подработки текущее курирование пенсионеров, детей и хронических больных. И детские кружки, и секции, спортивные и развивающие. Да мало ли что требуется ещё для жизни! И это всё уже само мало-помалу развивается, надо только поддержать это на уровне развития нормативной базы, как федеральной, так и региональной.

Вот что удивительно — это и есть настоящее местное самоуправление, подлинный результат общественных инициатив. Не классическое наше местное самоуправление, где на самом деле тот же чиновник сидит, а настоящее, которое рождается от земли как результат общественной самодеятельности. Это социально значимая тема, но она пока не оценена ещё федеральными и многими региональными властями, к сожалению. Московские и подмосковные власти её видят, но тоже отвлекаются постоянно на другие проблемы. Приходится напоминать, привлекать внимание, стараться повернуть лицом к проблеме, чтобы не упускали из виду эти гигантские возможности для будущего развития региона.

Пока не видит открывающиеся перспективы и возможности и крупный бизнес, скажем тот же Сбербанк. Вот, к примеру, крупный дачный посёлок, около 6 тысяч садовых участков. Их обслуживают несколько крупных и малых магазинов и целых два строительных рынка, создано много разных сервисных структур. Но на этот массив не только ни одного отделения Сбербанка, а даже нет нигде их банкомата. Сбербанк считает, что ему это невыгодно. Магазинам работать выгодно, строительным рынкам выгодно, а Сбербанку — нет? Я думаю в такие минуты: «Герман Оскарович, а на своём ли вы месте?» Институт Сбербанка, инвестиции, цифровизация, продление жизни, искусственный интеллект — всё очень хорошо, но основная функция банка — обслуживание населения — не выполняется. Это на самом деле весьма неприятное явление. Такая вот критика, Евгения Яновича [Сатановского] нет сегодня, кто-то же должен заполнить «критический вакуум».

Короче говоря, перед нами очень важный магистральный путь развития не только Московского региона, но и крупных городских агломераций России. Я счастлив, что учёные наши, географы, это увидели, потому что этого раньше не видели и учёные. Всегда было такое впечатление, что это что-то несущественное, мелкое, бытовое: просто маленькая дачка, садовый участок, домик, сарайчик, в домике живёт бабушка, пасёт внуков и кошку, выращивает огурчики и сохраняет здоровье. Время прошло, и это сейчас совершенно другое явление, требующее новых подходов.

Ведь если посмотреть с другой стороны, перед нами возникает естественный конкурент строительному комплексу региона в его нынешних задачах, подходах и пропорциях. Строительный комплекс строит панельные «коробки», в которых

квадратный метр идёт на продажу от 80 000 рублей, а на садовом участке можно построить 3 или 4 метра вполне комфортного жилья для круглогодичного проживания на эту сумму. Причём используя те механизмы, которые мы уже создали, а именно дачную амнистию, облегчённые варианты регистрации и постановки созданной недвижимости на учёт, подключение к газу и электричеству в необходимых мощностях, что облегчает людям беспрепятственно строить, что они захотят, в разумных пределах. Важна и возможность постоянной регистрации граждан, при их желании, в построенных домах, и обеспечение их прав на получении ряда услуг снабжающих и обслуживающих организаций по справедливым ценам и тарифам.

Кстати, садоводы уже довольно давно не пользуются согласованием в органах архитектуры градостроительной документации на жилые и прочие дома и строения на своих участках. С помощью использования «дачной амнистии» и других ходов они просто это игнорируют. Пожаров же больше не стало, не стало аварий больше, ничего не произошло за это время. Эксперимент на природе проведён: людям, оказывается, можно доверять, нормальные люди строят себе нормальный дом без участия и без штампа от начальства, без долгой и затратной процедуры утверждения и согласования проекта индивидуального жилого дома. Это выглядит впечатляюще, вот где виден позитивный потенциал разбюрокрачивания.

Считаю, что этот путь субурбанизации очень важен и перспективен. Хорошо, что он замечен. Если кому-то интересно из моих уважаемых коллег, то на моей странице в Facebook есть публикации, которые я раньше по этому вопросу делал, их основой были аналитические записки, доклады. В научных журналах и популярных изданиях я описывал социально-экономическую ситуацию, определял возможности инвестирования граждан в свой дом на садовом участке, сопоставлял цены квадратных метров, анализировал экономические возможности семей.

Потенциал огромен, но ещё действительно много проблем. Это устойчивость энергоснабжения, это проблемы и с сохранением природы, вывозом мусора — ведь иногда давление на природу жизнедеятельности этих гигантских массивов садовых участков и дач бывает разрушительным. Охрана и безопасность — это отдельная проблема. Но тем не менее все эти проблемы вполне решаемы и уже решаются. Мне кажется, что путь субурбанизации и даже дезурбанизации — это своего рода «реконкиста», вторичное завоевание российского пока ещё пустующего пространства: какое-то старое сельское население уходит, приходит новое, городское, на смену.

Когда мы говорим людям, проживающим в глухих деревушках вдали от городских центров: «Давайте мы вас сохраним, давайте мы вам поможем, давайте мы сделаем маленькую школу, давайте мы сделаем школьный автобус, выезд врачей, придумаем рабочие места», — они отвечают: «Сами-то вы в Москве хотите жить, а нас в этой дыре гнить уговариваете остаться?» Уровень раздражения в ответ на это благодушное фарисейство горожан у многих молодых деревенских жителей весьма высок.

Но вот он переезжает в город Клин или в Солнечногорск, в Зеленоград или Химки, а то и в Москву в пределах МКАД, устраивается в городе, становится успешным представителем среднего класса, и отношение к своей деревне меняется. Он возвращается летом в дом своей мамы и говорит: «Мой дом, моя малая родина, такая чудесная». Только надо всё старое снести и построить новый дом из цилиндрованного бревна, клееного бруса или кирпича. Обязательно, чтобы был газ, обязательно, чтобы

были все удобства в доме, автономное водоснабжение, охрана, расчистка дорог, вывоз мусора и прочее, чтобы можно было жить и зимой. И он будет с семьёй постоянно бывать и временами жить на этой небольшой вилле, правда, огурцы вряд ли станет выращивать, а сделает английский газон и будет сажать цветы. И любить свою малую родину всей душой.

Понимаете, времена меняются. И это на самом деле хорошо, замечательный виден потенциал и вектор развития. Я очень рад, что уважаемые учёные, настоящие учёные, а не только случайно и стихийно углубившийся в эту проблематику бывший московский депутат, её всесторонне изучают. Спасибо большое.

А. Г. Вишневский

Сергей Владимирович Захаров, вам слово. Прошу.

С. В. Захаров, *заместитель директора Института демографии НИУ ВШЭ, кандидат экономических наук;*

Во-первых, я очень благодарен за очень интересные, очень важные доклады. Актуальность темы понятна уже давно, но акцентировать её на каждом этапе, и сейчас это было сделано, очень важно. Второй момент — я хотел бы в своём комментарии продолжить обсуждение некоторых аспектов, которые в своих вопросах отметили Виктор Меерович Полтерович и Валерий Леонидович Макаров.

Тема следующая, как бы чуть-чуть с заходом. Мне, честно говоря, видится мало проблем в развитии наших дач вокруг Москвы. Сам имею дачу и наблюдаю весь этот процесс последние лет тридцать. Глубоко проникнут, понимаю, что происходит и ничего там особенно такого проблематичного не вижу. Единственно, бюрократия нарастает чудовищная, зарегулированность советского типа накатывает. Но что здесь важно отметить — что без гастарбайтеров, без временной рабочей силы и вообще без мигрантов никакого дачного развития в Московской области не будет. Они выполняют огромный объём от строительства и ремонта до скашивания травы и уборки мусора — то, чем современный сверхобразованный городской житель всё меньше хочет заниматься. И это не только московская перспектива и реальность. То же самое происходит и вокруг Питера, и вообще вокруг крупных городов.

А теперь дальше, продолжая вопрос об интернете, к вопросу о примерах из других стран. Очень простой пример — Австралия, но, честно говоря, нам нечего оттуда брать, потому что там вся жизнь сконцентрирована только в точках, в городах, и чуть вокруг. Всё остальное — пустыня, никто её не осваивает. Там есть ещё шахты, на этих шахтах и вокруг них есть какая-то деятельность. Вообще в Австралии отвратительный климат и жить там очень тяжело. И человек ощущает себя нормально только под кондиционерами в городах. Высокоинтенсивные, экономически очень эффективные места концентрации функций, но это пример страны, который совершенно нам не подходит.

Канада — более сложный случай, возможно, там мы обнаружим более похожие на нас ситуации. Но с Канадой я плохо знаком.

Я хотел бы остановиться на другом, на третьем примере страны, который я уже четвёртый год буквально включённым наблюдением изучаю вдоль и поперёк с севера на юг, с запада на восток, — это Новая Зеландия. Более динамично развивающейся

С. В. Захаров

в мире экономически развитой страны нет. Темпы роста почти как в Китае, но она движется точно в противоположном направлении, чем Россия. Они движутся от высококонцентрированного расселения к более интенсивному развитию весьма протяжённого пространства, его социальному и экономическому освоению. Дороги отвратительные, но они улучшаются. Скоростного интернета нет в провинции, нет кабелей, и он только по воздуху. В этих городишках существуют провайдеры мобильных сетей. Пожалуйста — через мобилу, через спутник, но интернет дороже, чем в России, в несколько раз. И вообще для европейцев, даже для россиян, которые там оказываются, цены на мобильную связь и интернет кажутся совершенно чудовищными. Качество аховое. Спрашиваешь: почему у вас нет кабеля-то, волокна нет? Они говорят, что никто не готов вкладываться, да и зачем. Здесь пока ещё нет того спроса, нет необходимого числа точек роста, которые заставили бы вкладывать, инвестировать в эту высокоскоростную связь. Это к вопросу об удалённой работе, об интернете для молодёжи и так далее. Там как-то что-то работает, но по большей части лишь на минимально необходимом уровне.

Конечно, есть Окленд. Есть там ещё пара-тройка городов, где, между прочим, айтишный кластер один из лучших в мире. Там есть «русская деревня», так же как и на Кипре, где сидят наши ребята в собственных домиках, работают в удалённом доступе на Google, на другие компании и так далее. Их мало интересует, что творится в мире. Производят и для себя, и для других, и для Новой Зеландии. У них даже

газетёнка своя русскоговорящая существует. А почему? Коррупции нет, бюрократии минимум, инвестиции для малого бизнеса поддерживаются активно, и стартапы лёгкие в результате. Эта страна до сих пор развивается как экономически нормальная страна со своими проблемами, кризисами и так далее. Были когда-то железные дороги, которые руду-лес куда-то возили, но не стало железных дорог — на Северном острове одни ржавые рельсы и нерегулируемые переезды остались, а на Южном — ж/д едва дышит редкими вагончиками. Просто нет, и никто пока не думает, чтобы увеличивать пассажиропоток и «нагрузку на ось». Я говорю: «Когда же начнётся?» — «Будет спрос. Когда-нибудь».

Сейчас они занимаются автодорогами, потому что дороги отвратительные. По нашим меркам, они не такие уж и плохие на периферии, но они очень медленные, узкие, загруженные и вообще не достойны чудесной страны. Это 180–200 километров между населёнными пунктами, где нет никаких кафе, ресторанов. Бензоколонки только в населённых пунктах, там, где живут люди. А на Южном острове у фермеров собственные танки — хранилища с топливом: не наездишься заправлять вездеходы.

На чём всё это базируется? Почему так бурно развивается? Во-первых, локальное самоуправление, сильное, обладающее реальными правами и возможностями влиять на развитие. Федеральное, если можно так назвать, там нет федералов, но центральное руководство делегировало функции мощным региональным и локальным самоуправлениям. Они реально решают проблемы на местах. Школы и больницы растут там, где им надо расти, где есть на это средства. Конечно, центральная власть поддерживает начинания в силу своих возможностей. Но в целом это довольно жёсткая, но очень экономическая система. И, во-вторых, конечно, иммиграция. До сих пор Новая Зеландия — одна из самых открытых для мигрантов стран.

Стареющая Россия, особенно её Центр, попала естественным образом в демографическую ловушку, и капкан уже почти захлопнулся, как мы видим из сегодняшних докладов. Выход из неё если и возможен, то только с изменением демографической структуры населения. За счёт внутренних ресурсов её уже решить нельзя. Мы уже почти всё, что можно, стянули поближе с Дальнего Востока, с Урала — ещё поближе и так далее. И это продолжается и продолжается не одно десятилетие. Да, Юг России у нас ещё привлекателен — где земля хороша, там сельское хозяйство более-менее интенсивно развивается, туда тянется народ. А, в общем, Москва с Питером сжирают практически все миграционные ресурсы страны. Внутренних демографических ресурсов у России для поддержания прежних территориально-экономических структур практически нет.

Конечно, я не могу сказать, что Новая Зеландия даёт пример беспроblemного развития территории. Зная её изнутри, изучая, так сказать, включённым наблюдением, свидетельствую, что проблем там огромное количество. Но мне понятно, куда и как идёт это развитие, оно логично, ориентировано в будущее. Политика государства также ощущается. Пример этому — высокого класса образование, школьное, высшее образование. И они делают ставку на мигрантов, привлекая их образованием в том числе. Школьное образование делает деньги на мигрантах! Потому что там английский язык, очень хороший английский язык, они готовы учителей завозить из Англии, а школьное и университетское образование существенно дешевле, чем в Великобритании, в США и в Швейцарии. Кстати, рейтинги тамошних учебных заведений

в мире очень высоки. Они делают ставку на природу, на экологию. Кстати говоря, как они выдержат этот баланс между расселением, расширением освоенного социально-экономического пространства, между нагрузкой популяционной на природу — ещё предстоит узнать. Новозеландцы позиционируют себя как яркие приверженцы всего органического, экологического и т.д., они делают всё возможное, чтобы в XXI век войти с новыми представлениями об экологии, о взаимодействии человека и природы и т.п.

Понятно, что когда-то это была страна коров и овец. Есть там ещё коровы и овцы, их очень много, даже на Северном острове много, а на Южном их намного больше, чем людей. Но режут этих коров со страшной силой, потому что перепроизводство мяса не только в Новой Зеландии, но и во всём развитом мире достаточно высокое. На месте пастбищ появляются виноградники. Кто знает, уже в магазинах в Москве есть новозеландское вино, причём белое, просто отменное, его уже и французы высоко оценили. Да, это более эффективно, это более доходно, чем животноводство. То же самое сейчас происходит с оливками. Климат позволяет, оливковые рощи заполняют холмы, оливковое масло уже идёт на внутренний рынок (пока) активно, вытесняет далёкое итальянское и так далее. Там внутренний рынок, конечно, определяет структуру экономики, в том числе и в борьбе с импортом, но экспортные ожидания — движитель развития. Территория страны хотя и велика, но численность населения — мала, всего 4,5 млн.

Но главное, что мы можем из новозеландского опыта усвоить, — что, конечно, без регионализации и сильной локальной власти мы не сможем сбалансировать периферию и центр, ставя задачи развития в самом широком смысле. Второе — это то, что там земля в частной собственности, практически вся. И поэтому даже если и леса, то всё равно это, как правило, частные земли. И уж просто взять и прорубить там что-нибудь ради фантазий руководителей, некоего национального проекта, — это практически невозможная вещь. Это регулируется ещё и на локальном уровне, и на уровне частного интереса. Конечно, просто так проект какой-нибудь провернуть без взаимного экономического интереса сторон, не эффективного для локальных сообществ, практически невозможно.

Быстрое развитие приносит большие проблемы. Допустим, жилищный пузырь надувается там со страшной силой. Новые дома в Новой Зеландии, бывает, перепродаются 3–4 раза в год только потому, что очень быстро растёт цена. Качество жилья, естественно, от этого не улучшается. Это проблема развития. Но есть источники этого развития. И главное, откуда это черпается, — это иммиграция.

Теперь к России. Я думаю, что у нас едва ли возможно выйти из демографической ловушки без притока мигрантов, высокомотивированных на развитие, высокомотивированных на инвестиции. К примеру, Новая Зеландия принимает огромное количество китайцев. Но не тех, которые землю копать едут, а тех, которые покупают виноградники, пасеки, дающие лучший в мире органический мёд, покупают пастбища и, наконец, отели и спа. Они инвестируют большие деньги, чувствуя потенциальные точки роста, за которыми следует развитие дорожной и информационной сети. А не наоборот, как у нас иногда видится. Вот такой мой комментарий, спасибо.

С. В. Егоров

С. В. Егоров, *заведующий отделением Акустического института имени Н. Н. Андреева, главный научный сотрудник ИНИОН РАН, доктор физико-математических наук*

Большое спасибо за интересные доклады.

К вопросу о соотношении «столица — периферия». Некоторое время назад мне довелось два года работать в новосибирском Академгородке. В свободное от основной работы время я так же, как и предыдущий выступающий, делал «включённые наблюдения» и обнаружил кое-что интересное. Наверное, профессионалам известен этот факт, но для меня оказалось новостью: пара «столица — периферия» оказалась понятием относительным. Кроме того, эта пара тиражируется по России. В разных регионах возникают такие пары, потому что страна большая.

В случае Академгородка интересны стратегии выпускников Новосибирского университета. Они имеют хорошую подготовку, и рабочие места в Академгородке для них найти можно. Однако многие из них стремятся в Новосибирск, который по отношению к Академгородку является столицей. Там действительно есть всё, что можно найти в Москве.

Теперь приглядимся, как в кадровом отношении укомплектованы многочисленные НИИ в Академгородке. И видим, что значительную роль и в научных, и особенно в инженерных подразделениях играют выходцы или «текущие» жители города Бердска. Утром приезжают, вечером уезжают. Город Бердск — в нескольких километ-

Н. Е. Покровский

ров от Академгородка. В этом примере уже Академгородок по отношению к Бердску выполняет привлекательные столичные функции.

Однако и Бердск, развитый в научном и промышленном отношении город-стотысячник, выполняет столичные функции относительно близлежащих поселений. Их жители в большом числе трудоустроены в Бердске. Представляется, что выявить такие комплексы «матрёшек», выстроить стимулирующую кадровую, административную стратегию, с учётом современных решений молодёжной и миграционной политики, было бы полезно для регионального развития.

Таким образом, продуманное развитие Новосибирской агломерации «Бердск-Кольцово-Академгородок-Новосибирск» может быть перспективным. Сегодня уже общепризнано, что не может нормально развиваться огромная страна, имеющая всего три гиперобразования, каковыми являются Москва, Московская область и Санкт-Петербург.

Н.Е. Покровский, *заведующий кафедрой общей социологии НИУ ВШЭ, профессор, доктор социологических наук*

Сегодня хотелось бы предложить несколько принципиальных тезисов и оценок в связи с основной темой нашего обсуждения, а именно: **что происходит на староосвоенных территориях внегородской России и какие перспективы эти территории имеют.**

В течение многих лет и десятилетий мы фиксируем на этих территориях всё уско-ряющийся процесс депопуляции и сокращения хозяйственной деятельности. Внешние признаки его хорошо известны: заброшенные деревни и села, заросшие поля, закрытые агропредприятия. Сжатие происходит на территории в Центральном федеральном округе, на Ближнем Севере России, на Северо-Западе (в данном случае речь идёт о Европейской части РФ). Причём всё это связано не с теми или иными ошибками планирования и недостаточным инвестированием (хотя имеет место и то и другое). Это гораздо более глубокий макроэкономический процесс ухода традиционного сельского хозяйства из этих регионов, а вслед за ним и сельского населения так называемых «малых территорий».

Освоенное пространство стягивается к районным центрам, а те в свою очередь отдают своё население областным центрам, но в основном — городам-миллионникам. В оставленном пространстве нарастает экономический и социальный вакуум, деградирует инфраструктура. Логика процесса весьма простая. Ни одно поселение ни в историческом плане, ни на современном этапе не возникло и не может существовать без экономической основы. Люди должны заниматься продуктивной деятельностью и получать доход для поддержания своего существования. И вот в этом главном вопросе и заключается корень проблемы. Современное сельскохозяйственное производство, прежде всего крупные рыночные хозяйства и агрохолдинги, не нуждаются в староосвоенных территориях и соответствующих им поселениях, включая и малые города. Не нуждаются агрохолдинги и в коренном населении, решая свои проблемы с помощью современных высокотехнологичных процессов и в каких-то случаях привлекаемой извне рабочей силой.

Такова реальность экономической рациональности. И хотя можно насчитать немало кейсов «одной счастливой деревни», в целом тренд имеет именно указанную направленность. Возникает вопрос: как относиться к этому тренду? Покорно и безучастно следовать ему, воспринимая как судьбоносный рок, или предпринимать героические усилия для того, чтобы его переломить наперекор всему (но какими средствами и во имя чего?).

Главные точки столкновения экспертных оценок и общественного мнения немногочисленны, и они налицо.

Первая позиция (идеологическая) ярко выражена, и она такова: надо вернуть жизнь на все эти «малые территории» любой ценой, это наша миссия, святая обязанность перед ушедшими поколениями, долг перед землёй и «почвой» и так далее. Но на каких основаниях всё это можно и нужно осуществлять? Какими средствами, за счёт каких человеческих ресурсов в условиях тотального старения сельского населения и прямой депопуляции? Эти вопросы не получают вразумительного ответа.

Вторая, противоположная, точка зрения такова. Произошла своего рода медленная революция в сельскохозяйственной экономике. Внегородские пространства в указанных регионах в той или иной степени утратили своё сельскохозяйственное значение. И посему необходимо, опираясь на новейшие научные данные и технологии, найти, предугадать, предопределить, исследовать, рассмотреть иные, кроме сельскохозяйственных, перспективы использования этих пространств. Надо признать, что для многих это крайне сложный модус восприятия реальности, требующий кардинальной ломки архетипического представления, сводящегося к тому, что

«вне города значит сельское хозяйство, и только оно». Ну, быть может, ещё лесозаготовки — это вот всё, что ассоциируется в массовом сознании и в сознании руководства с судьбой этих регионов.

Изменить этот стереотип, трансформировать крайне сложно. Позиции Минсельхоза, Думы, Общественной палаты, да и местных властей сводятся к восстановлению всей традиционной поселенческой структуры без разбора. Всё должно каким-то образом снова цвести, как в лучшие колхозные годы. Включилась в эту мощную идеологизированную кампанию и многочисленные НКО, подпитанные грантами. Правда, через НКО зазвучала и тема внутреннего сельского туризма, который, по идее, должен отвратить наше городское население от поездок за рубеж и перенаправить его внутрь страны, при этом восстанавливая внегородские территории и превращая их в сплошной парк развлечений (theme park). И это вполне серьёзно предлагается рассматривать как главный драйвер будущего развития огромных внегородских пространств России. На мой взгляд, это самоочевидная утопия.

Обратим внимание и ещё на один примечательный факт, а именно привлечение научной экспертизы. Все указанные выше проекты по возвращению жизни на сельские территории в своём подавляющем большинстве не привлекают научную экспертизу. Если социологи, социальные географы, экономисты и демографы и фигурируют, то играют крайне второстепенную роль и, образно говоря, сидят на задних скамейках. Для меня это своего рода индикатор обскурантизма — вывод науки и учёных за скобки. Так и хочется воскликнуть: «В каком веке мы живём, господа?!» Все решения принимают бюрократические инстанции всех уровней, как правило самодостаточные в своём понимании ситуации, а университеты, институты РАН, экспертные сообщества фактически выведены на периферию. А как принимаются решения? По известному нам всем принципу: «Мы сами лучше знаем, как надо. Жизнь подскажет. Надо быть ближе к народу».

Позитивная программа. Что в позитиве? И есть ли он, позитив? Есть. Речь идёт о нарастающем тренде дезурбанизации, или контрурбанизации, обратной миграции. Наши города-миллионники и мегаполисы за последние десятилетия приняли огромные массы сельского населения и жителей малых городов. Процесс этот носит естественный характер, и он далеко не завершён. Однако современные крупные города уже в достаточной степени обнажили и свои негативные стороны, связанные с целым рядом явлений — скученностью проживания, качеством окружающей среды, проблемами обеспечения безопасности, в том числе эпидемиологическими и многим другим. Нарастающий негативный потенциал урбанизации заставляет различные группы населения городов осуществлять выход за пределы мегаполисов и создавать различные по своему составу, географическим и социальным характеристикам анклавы внегородского проживания — от ближних дачных поселков до удалённых анклавов на расстоянии до 600 км от мегаполисов. Этот достаточно новый процесс, опирающийся в том числе и на достижения современного научного прогресса, включая инфокоммуникации (работа в удалённом доступе), возобновляемые источники энергии, — один из реально заявляющих о себе каналов возвратной миграции и возобновления экономических и демографических «кровоотоков» на этих территориях.

В связи со сказанным необходимо дать чёткие разъяснения.

Первое. Речь не идёт о том, что процесс обратной миграции раз и навсегда и в масштабах всей России в полном объёме решит вопросы внегородских территорий РФ. Речь идёт о том, что этот процесс сможет эти проблемы решить в том или ином виде, но не повсеместно и по старым схемам расселения, а в новых локализациях.

Второе. Возвращение горожан, образно говоря, в деревню отнюдь не означает превращение их в крестьян-землепашцев, архаизацию труда и пр. Напротив, вновь возникающие кластеры представляют собой выход современных технологий, передового научного знания и их носителей за пределы города. Причём новые «поселенцы» продолжают в своей новой географии заниматься именно своим городским трудом, с опорой на инфокоммуникационные и цифровые технологии. По сути, это город, вышедший из берегов и уходящий во внегородские пространства.

А где будут возникать эти анклав? В старых малых городах, в деревнях? Во многих случаях будет возникать совершенно другое территориальное расселение. Перечислю шесть пунктов этой матрицы нового расселения: экологическая чистота, ландшафтная привлекательность, связь с историей и исторической памятью («места памяти»), покрытие инфокоммуникационными сетями, наличие остаточного местного населения, мобильная приближённость к транспортным сетям, прежде всего автомобильным, железнодорожным, к малой авиации. Такова общая схема, «матрица дезурбанизации» для многих регионов России.

На сегодняшний день для меня достаточно ясен план действий. Пока не поздно, необходимо играть на опережение процесса, а не приспосабливаться к нему *post factum*. Сейчас назрела перспектива и задача перед социальными географами, социологами, демографами и экономистами создать новую картографию Центральной России и Ближнего Севера с перспективой его будущего, куда органично войдёт эта матрица. А именно провести инвентаризацию или, если угодно, экспертное сканирование территорий под углом зрения их дезурбанизационных перспектив. На всех этапах этой работы необходимо участие местных властей. В ближайшей перспективе именно они будут принимать решение о развёртывании кластеров и создании для них благоприятных условий. Возникает и отдельный вопрос о конституировании транспортных коридоров выхода из мегаполисов, что в целом превратит предлагаемую систему расселения в живой организм движения экономики, населения и человеческого капитала.

В заключение хотел бы сказать, что предлагаемая мною модель никоим образом не претендует на роль универсального средства решения всех проблем России в этой сфере, но определённые проблемы она вполне могла бы перевести в русло позитивного и реалистического рассмотрения.

В. П. Мазурик

Понимая, что как гуманитарий я не компетентен в вопросах экономики, не полагаю для этого достаточными статистическими данными и нужной методологией, я хотел бы затронуть только культурно-антропологическую сторону вопроса. Мы уже не раз обсуждали российские пространства с этой точки зрения, сегодня лишь вскользь упомянутой в докладах и репликах. Ведь помимо географической морфологии есть ещё мифология пространства, преемственность культурных традиций, *genius loci* и т.д.

Меня очень радует, что в последней реплике была отмечена как важная тема исторической памяти. И впрямь, допустим, регион стал экономически нерентабельным, а как прикажете быть с «родными пепелищами» и «отеческими гробами», возить с собой? Сегодня звучали названия древних русских городов, и у каждого из них свой грандиозный эпос. У нас очень много в последнее время говорится о переписывании истории нашими идеологическими противниками. Однако сама информационная цивилизация прямо на глазах эту историю обнуляет почти ежедневно (речь даже не о современной школьной программе) и становится страшно окончательно потерять свой культурный хронотоп, ведь он столь неодинаков у разных народов.

Мы в своих перспективных планах мыслим максимум пятилетками, а у китайцев в сознании миллениумы; мы «за три года ни до какого государства доскакать не можем», а японцы в повседневной жизни оперируют миллиметрами. Аграрная держава, как и Россия, Япония в 80-е годы XIX века буквально за пару десятилетий перестроила государственную систему, экономику и образование, не утратив при этом культурную память.

Я не настолько романтик, чтобы плакать о вишнёвом саде России, расписанном ныне под дачи, ибо и с самим этим садом проблемы были немалые, а уж экономические советы тем более давать не готов. И вообще, согласен с тем, что молодому поколению в широком смысле слова придётся «сочинять новую Россию». Но как преподаватель хочу заметить, что жертвы ЕГЭ такое сочинение могут в результате подать, что любая комиссия застрелится. Уже сейчас мы от лишних людей а la Печорин перешли к лишним городам и регионам; что же касается «мёртвых душ», то Гоголь и Кафка зарыдали бы, узнав, что ныне можно похитить цифровую личность и вы весь век будете ходить по инстанциям, доказывая, что живой. «О, дивный новый мир!» (Привет Олдасу Хаксли.)

Проблемы экономики и культуры, конечно, приходится обсуждать отдельно, но в жизни-то они связаны неразрывно. И время от времени нам всё же следует задумываться: как из страны не превратиться в территорию, а из народа — в население, как за экономической прагматикой не проглядеть основное направление своей исторической судьбы?

О. Б. Глезер, ведущий научный сотрудник Института географии РАН

Добрый день, коллеги. Я буду выступать именно как географ, никем другим я себя не вижу и не мыслю. Прежде всего мне хотелось бы отрефлексировать по поводу двух заявлений сегодня и сказать, что, когда мы говорим о пространстве, есть чёткое единство времени и места. Одно и то же место вчера было одним, сегодня оно другое, а завтра оно будет третьим. И важно понимать: когда мы говорим о каком-то месте, мы говорим об этом месте сегодня, соответственно, с сегодняшними факторами, с сегодняшними обстоятельствами и так далее.

Второе, что мне очень близко, понятно и это совершенно необходимо подчеркнуть, — это то, что сказал Сергей Владимирович Захаров. Мы находимся почти в некоей точке невозврата, либо уже в ней, либо очень близко к ней. И очень важно понимать, что есть ситуации почти необратимые, и говорить, давайте ещё посмотрим, что будет происходить, — бессмысленно, потому что при депопуляции, которая происходит в тех местностях, о которых сегодня говорили, смотреть уже некогда.

О. Б. Глезер

Значит, говоря о пространстве, очень важно различать две категории — территорию и население. Это не одно и то же: есть потребности территории и есть потребности населения на этой территории. И в этой связи надо говорить о потребностях локальных, региональных и федеральных, и это совершенно разные потребности, хотя бывают ситуации и места, когда их необходимо объединять. Я бы сегодняшний доклад назвала не «Сжатие территории», а «Сжатие пространства», потому что очень много говорилось именно о сокращении населения.

Пространство, естественно, не просто как вместилище, а пространство как категория со всем тем, что в пространстве существует.

Отвечаю на вопрос: что делать? Нужно различать, что делать с территорией и что делать с населением — это тоже разные вещи. Особенно если подходить с различием позиции локальной и федеральной. Ответ, на мой взгляд, содержался в самом сегодняшнем названии — сжатие пространства, и из этого вытекает очаговость, о которой говорила Татьяна Григорьевна и привела много примеров. Развитие урбанизации практически всегда, а на некоторых стадиях особенно, ведёт к поляризации и сжатию. Урбанизация в принципе значительно более дискретна в пространстве, нежели сельское, руральное развитие.

Следующий шаг после концентрации, поляризации и сжатия — это фрагментация. Вот это уже, так сказать, почти на грани допустимого. Путь развития этих территорий, как мне представляется, — это очаговое развитие, и в этом нет ничего страшного. Это

при советской власти заметно и хорошо было то, что гигантское: Кузнецкий металлургический комбинат — это хорошо, а какая-то там мелкая деревня Тютюкино — да что там о ней вообще говорить. Разве что деревенщики-писатели на это обращали внимание. Времена изменились. И очаги имеют такое же значение, как нечто громадное. Значит, выход — искать импульсы развития вот этих очагов, которых, как сама Татьяна Григорьевна сказала, много. Импульсов этих очень много. Они разные. Сегодня, например, не говорилось, а сейчас мимоходом Никита Евгеньевич сказал, ну, вот ещё лесное хозяйство, лесозаготовки. Для наших северных территорий это довольно серьёзное основание для развития — именно очагового. Плюс туризм, о котором сегодня говорили много. И дачи, и, если устроить мозговой штурм, мы с вами наберём очень много импульсов очагового развития.

Но между очагами есть то ли пустые, то ли транзитные пространства. Если подходить не локально, а именно регионально или федерально, то нужно думать о том, а что делать вот с этими пустыми пространствами. Вот Максим Вениаминович [Перов] сказал, что к черту! пусть будут пустыми. Нет, пустыми они не могут быть, на пустых пространствах появятся волки, реальные волки. Татьяна Григорьевна может рассказать, как в той самой деревне, где у них дача, зимой съели всех собак, потому что в деревне три старушки и просто пришли волки. Не говоря уже о том, что все зарастает и сама природа-то нормально развиваться не может.

Задача состоит в том, чтобы найти импульсы развития для этих очагов, отдавая себе отчёт, что нет ничего страшного в очаговом развитии, но при этом заботясь о тех транзитных пространствах, которые находятся между очагами или которые соединяют эти очаги.

Ну вот, пожалуй, всё, что я хотела сказать.

А. Г. Вишневский

Пожалуйста, реплика.

М. В. Перов

В порядке ответа. Очень кратко. В общем, почему я говорю, что можно оставлять все-таки, консервировать территории, — потому что мы их осваиваем и используем очень часто очень плохо. Вот посмотрите: Калининградская область после Пруссии — да это просто нашествие бандерлогов. А на Сахалине? Изумительный там был японский парк в Тохаре. Фантастические просто фотографии, тонкая эстетика. Что сделал Советский Союз, придя туда? На берегу главного пруда разместил банно-прачечный комбинат Советской армии. И парку конец. Поэтому давайте мы, может быть, пока не очень умеем осваивать территории, пока не научились, оставим их для будущих поколений.

А. Г. Вишневский

Ну не научились, видите же!

Так, Андрей Александрович Чернихов — прошу.

А. А. Чернихов

Вы знаете, мне очень близок тезис, который озвучил Максим Перов и поддержал Виктор Мазурик, — что нам нужно сочинять страну. Я бы вот только чуть переиначил:

нам нужно перепроектировать или запроектировать ту страну, в которой мы хотели бы жить, где бы жили наши дети. Потому что первый, наверное, признак нормальной страны — это когда дети не хотят уезжать из неё и не уезжают. И нам самим тоже не хочется, не только потому, что деваться некуда, но и не хочется.

К сожалению, картина пока что десятилетиями — обратная. Поэтому проектный подход к стране — это то, из чего практически ушла наша власть, говоря высоким стилем. Ведь в 60–70-е годы, когда мы учились, когда в архитектурный институт прибегали молодые ещё журналисты, брали интервью, и на нас, на студентах, учились журналистике, первый вопрос был: а что бы вы хотели спроектировать в жизни? Так вот с первого до последнего курса все отвечали одно и то же: я бы хотел спроектировать город и построить город.

Сегодня мы имеем порядка 25–30 тысяч населённых мест, которые утеряны. Города мы ещё не окончательно потеряли как города, но беда пришла во многие из них. Я уж не буду говорить про Вышний Волочёк, Гусь-Хрустальный, их сотни, сотни и сотни. Это говорит о том, что экономическая модель стихийно пришла, а управление этой моделью страна, я имею в виду её руководство, не осуществляет. Поэтому, наверное, первое, если б я был оппозиционером, я бы выдвинул тезис о возрождении и программе самоуправления. А если б я был человеком, который назначает национальные проекты, то, наверное, это был бы национальный проект возрождения или создания нового русского земства. Потому что других рычагов, серьёзных, которые позволяли бы надеяться на улучшение ситуации, как-то не просматривается.

И очень хорошая идея, которую обозначил Максим, — обязать наших олигархов. Ну раз у нас такая система, что они поддерживают театры, ещё что-то по указанию сверху. Действительно, 20 тысяч человек вывезли из одного места в другое, трудоустроили. Те места, в которых уже невозможно ни экономически, никаким образом вернуть жизнь, их надо санировать с помощью тех самых олигархов. Распределить честно их обязательства. Как кто-то спонсирует Большой театр, кто-то другой — Малый, так и здесь. Шутки шутками, но на самом деле мы нуждаемся в каких-то иных совершенно подходах к собственной стране.

Мы начинали сотрудничать с Андреем Ильичом и с Татьяной Григорьевной на проекте по Новой Москве 8 лет назад. И у нас была модель создания пояса безопасности вокруг Москвы, причём состоящая из 2–3 колец той самой безопасности, когда мы говорим не столько красивые слова об агломерации, сколько с пониманием, что стягивание всех человеческих и финансовых ресурсов в одну точку — это преступление. И наша власть, собственно, и является таким государственным преступником, который не понимает, что через некоторое время точка невозврата будет пройдена, что превращение мегаполисов, крупных городов-миллионников в пылесосы во главе с всероссийским под названием «Москва», — это преступная деятельность для нации. А вот превращение нации в население — это действительно проблема номер один.

К тому же я бы добавил совершенно другой подход к миграции, то бишь управляемой миграции, цивилизованной миграции. Я не экономгеограф, не социолог, поэтому могу ошибиться в цифрах, но я читал в интернете, что мы за последнее время получили приток порядка 10 миллионов мигрантов, при отрицательном собственном естественном приросте. То есть можно сколько угодно жаловаться на жизнь, но другого пути нет. Есть только один выход из этой ситуации — оседлать миграцию,

оседлать её цивилизационно, а не криминально, административно и пр., как у нас пока это всё происходит.

И вы знаете, будет, наверное, смешно, но года два назад наш президент вдруг стал говорить (поговорил, правда, полгода и перестал) о Госплане, о возрождении Госплана. Наверное, чтобы справляться с такой страной, с такими территориями, с такими проблемами на новом уровне, наверное, такой институт государственного планирования нужен, раз уж рассказали Минрегионразвития. А чем занимается Минэкономразвития, каждому второму надо объяснять, потому что не очень понятно с точки зрения собственно страны.

Д. Б. Зимин

А можно вопрос к вопросу к Андрею Александровичу? Скажите, пожалуйста, у вас тут были предложения насчёт того, чтобы обязать олигархов. Вы не могли бы пояснить, что это за механизм?

А. А. Черников

Ну, механизм заложен в замечательной книжке Симона Кордонского «Россия. Поместная федерация». У нас страна роздана в руки управленцев, так сказать. Не надо комментировать, в этих стенах не раз говорили об этом. По Кордонскому, какая бы власть власть на дворе ни была, самодержавная, большевистская или якобы демократическая президентская, Россия всегда будет с точки зрения управления укладываться в матрицу поместной федерации. Все те же самые пайки, в общем, всё то же самое. Ельцин ездит две недели на троллейбусе, потом возвращается и даёт пайки ещё в два раза больше, чем были до него.

Это, конечно, шутка, но регулирование — не бросание на произвол судьбы прекрасных старых городов и населённых мест, а организованный государственный подход, если так можно сказать, к этой проблеме. Да, у нас просто так работает наша внутренняя власть — когда всё идёт сверху, абсолютно по кальке русского царского самодержавия, и может повториться, не дай Бог, та же история. Поэтому, пока не поздно, почему бы не обязать Абрамовичей заняться санированием собственной страны?

Д. Б. Зимин

Вся надежда на самодержавие. Кто-то обяжет. Других путей нет?

А. А. Черников

Вы знаете, у нас с вами нет просто другой действительности, поэтому тут вопрос не в надежде, а что имеешь, с тем и работаешь.

Д. Б. Зимин

Я просто хотел уточнить.

А. А. Черников

Может, у вас есть другая модель? Это прекрасно.

А. Г. Вишневский

Мы на этом закрываем обсуждения. Но я хочу воспользоваться своим правом и сказать тоже несколько слов. Меня больше знают как демографа, но на самом деле я начинал свою трудовую деятельность именно в той самой области, которой сегодня посвящён наш круглый стол. Я занимался размещением производительных сил, тогда это называлось районной планировкой. Я довольно хорошо знаю эту тему, но здесь важнее то, что я начинал заниматься этим очень давно, возраст у меня уже достаточно почтенный. Я мог наблюдать, как развивались и назревали эти процессы, и то, как им мешали естественно развиваться, потому что у нас всегда были идеологические установки, одинаковые для всех. То у нас были перспективные населённые пункты, и все должны были быть перспективными, то наоборот, неперспективные, противоположная крайность.

Это было далеко от реальности, но это присутствовало в головах и в политике. Допустим, в какой-то сельской школе все выпускники 10-го класса дали торжественную клятву, что они не уедут, останутся у себя дома. И этот пример всем рекомендовали как хороший, хотя это было нереально, потому что противоречило векторам истории. Или какие-то баталии между специалистами по поводу больших городов: надо ограничивать, не надо ограничивать, пресекать, ужесточать. Это не могло быть ужесточено, то есть формально, на словах, ужесточалось, а реально не могло быть, потому что это естественный процесс развития крупного города и крупногородской экономики. Поэтому я думаю, что у нас в анамнезе вот эти послевоенные десятилетия советского развития.

Но в то же время — тут помянули Госплан, я не знаю, нужно ли возрождать Госплан, сомневаюсь, но я довольно долго в 70–80-е годы принимал участие в работе экспертизы Госплана. Экспертиза Госплана — это не совсем Госплан, а именно экспертиза разного рода проектов. Я принимал участие в тех, которые как раз касались пространственного развития, расселения, размещения промышленности и т.д. И это был очень серьёзный институт, в котором участвовали самые авторитетные учёные: Татьяна Ивановна Заславская, Георгий Михайлович Лаппо, многие географы. Хотя тогда власть не особенно прислушивалась к тому, что говорили «так называемые учёные», но кое к чему всё-таки прислушивалась. Я не допускаю мысли, что тогда могли, скажем, создать Сколково в двух шагах от Москвы, наплевав на новосибирский научный городок, на Дубну и так далее. Вот создать — и всё! И только так, и только здесь, что противоречит вообще всем идеям разумного размещения такого рода объектов — научных центров.

Но, с другой стороны, ещё есть такая сложность нашего положения — огромная территория России. При всей той сложности, которую порождает сам процесс урбанизации и стягивания населения в крупные города, кстати сказать, и по теории — это многоэтапный процесс. Сначала из деревень — в малые, средние и потом в крупные, то есть это дело поэтапное. Так что тут нет ничего нового, ничего удивительного, все страны через это прошли. Там тоже было неидеально, но всё-таки это был процесс более-менее естественный, а не управляемый сверху, он продолжается и сейчас во многом.

Тут кто-то сказал, что была построена система расселения. Она не была построена, она стихийно развивалась при видимости, что она управляемая. А управление только усиливало эту стихийность. Мне кажется, что так.

Ещё один момент. Так вот уже тогда, в этих госплановских проработках, всегда существовало представление о том, что нам не хватает населения. И очень активно проводилась мысль, что нужно приглашать, — поскольку это была одна страна, то приглашать жителей Средней Азии, в частности в Нечерноземье. Была такая линия. Но дело в том, что тогда они не хотели ехать, а сейчас, когда хотят, их не пускают. Хотя инверсия такая произошла, по смыслу это одно и то же. Невозможно привлечь дополнительное население для того, чтобы осваивать территорию.

Мне кажется, что сегодняшние доклады поставили очень важные вопросы, не первый раз, я согласен, но эти вопросы всё равно остаются, в России тем более. Простого решения нет, но хотя бы привлечь к этому внимание научной общественности, здесь есть ещё что изучать.

А теперь ответное слово докладчиков. Прошу!

Т. Г. Нефёдова

Спасибо большое за обсуждение и за интересные вопросы. Я очень коротко, потому что мы все устали.

Я хочу оттолкнуться от того, что говорил Сергей Владимирович, особенно в сравнении с Новой Зеландией, о том, что нам необходимо сделать, чтобы все пошло нужным путём. Получалось, что нужны совершенно другие институты: самоуправление, частная собственность, малый бизнес наряду с крупным. Это верно, но возможно ли это на данном этапе? По-моему, это маловероятно сейчас, не знаю, как будет дальше и как далеко мы можем смотреть. И второе: что нам нужно для этих территорий, — это мигранты. И это тоже не так просто, хотя Анатолий Григорьевич сказал, что сейчас люди хотят приехать. Но то, с чем мы сталкивались, и то, что я читала в литературе, показывает: интегрируется старшее поколение мигрантов, которое с детства знает русский и давно уже ездит, им легче. А молодёжь, в общем-то, не очень, я уже говорила. Они хотят приехать, заработать деньги в Москве и Петербурге, а жить они хотят у себя.

С другой стороны, местное население, когда много мигрантов из Средней Азии, с Кавказа, не очень-то их принимает, и это тоже довольно серьёзная тема. Поэтому, вы видите, я пессимист в этом отношении. Но как я говорила, как Ольга Борисовна говорила, развиваться всё это будет в этих регионах, скорее всего, в очагах. А между очагами должны быть какие-то коридоры. И вот, Никита Евгеньевич, то, что я показывала, — это первая попытка нарисовать такие очаги и коридоры, куда могут стремиться бизнес и дачники. Это территории, где они могут жить, потому что они не везде могут жить. Вот такие работы мы действительно делаем, мне кажется, это наша задача, это то, что мы можем сделать. Спасибо вам ещё раз.

А. И. Трейвиш

Присоединяюсь к благодарности за подробное обсуждение. У нас в институте и в меньших его ячейках принято считать, что это я пессимист, а Татьяна Нефёдова — оптимист. Я сейчас попробую выступить как оптимист, потому что у страны нашей

и у нашего народа или, точнее сказать, народов, есть одно блестящее, особенно на времена испытаний, качество — необычайная выносливость и сопротивляемость, терпение безграничное русского народа. В тяжёлые времена это хорошее качество помогает.

Кстати, мы не так уж одиноки, если говорить о планете. В дискуссии Андрей Александрович сказал, что хороша та страна, откуда не уезжает молодёжь, дети остаются. Здравствуйтесь, я ваша тётя, что называется. Казалось бы, британцы — совсем другой народ. Но ведь Британия десятилетиями, если не веками, отдавала население, в том числе в Соединённые Штаты, с тех пор как они освободились и стали процветать. Огромное количество своей молодёжи в колонии отдавало все Соединённое Королевство, даже Англия, не говоря уже о Шотландии, Ирландии, Уэльсе. Отдавала, и это был не только brain drain, это был и hand drain, рабочие руки просто утекали. Конечно, она не скудела так ни людьми, ни ойкуменой своей, потому что кто-то возвращался из тех самых колоний. Потом пошли уже небританские выходцы из бывших колоний. Правда, довозвращались они до очень больших индусских, пакистанских и других анклавов в крупных городах.

Сопротивляемость нашей глубинки, внутренней периферии по-научному, больше, чем можно себе представить. Вы знаете, что об этом говорили в 1990-е годы? Всё, уже конец. Через 10 лет, то есть в 2000-х, ну в 2010-м уж точно, здесь останется 1/3 всех поселений и всех обитаемых земель. Имелось в виду как раз вот это сердце, Центральная Россия. Но потеряли около 1/3 навскидку, а не 2/3. Что-то, значит, есть такое, что там держит: отеческие гробы или что-то ещё, может быть, не совсем материальное, не совсем экономическое.

Последнее замечание. По-моему, Максим Вениаминович говорил о Силиконовой долине — что это естественное образование. А не совсем. Конечно, выпускники Стэнфорда создали сеть малых бизнесов, но была бы она создана, эта Силиконовая долина, кабы не огромные государственные заказы на тогдашние полупроводники и все с ними связанное? После Второй мировой войны шла электронизация, развёртывание электронного технико-экономического цикла. А государство платило, и очень большие деньги. А они предлагали венчурные всякие решения, предприятия и так далее. Да, она создалась стихийно, но на этих госзаказах, так что внешний вклад в генезисе Силиконовой долины тоже был.

У меня нет предложений, как всё это сочетать, но поспешных выводов и решений, наверное, лучше остерегаться. Хотя так можно доостерегаться Богу известно до чего. Спасибо!

На фото слева-направо: **А.И. Трейвиш, Т.Г. Нефёдова, А.Г. Вишневский, Н.М. Румянцева** (директор Никитского клуба)

За столом слева-направо: **проф. В.Л. Тамовцев, академики РАН Р.М. Энтов и В.М. Полтерович, проф. В.П. Булдаков, академик РАН Б.Н. Порфирьев**

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 105

**СЖАТИЕ ОСВОЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ЦЕНТРЕ РОССИИ.
ЧТО С ЭТИМ ДЕЛАТЬ?**

Редактор выпуска *Наталья Румянцева*
Фото *Виктор Федоров*